

Андрей Георгиевич Теслинов
Концептуальное проектирование
сложных решений

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=583955

Концептуальное проектирование сложных решений: Питер; Санкт-Петербург; 2009

ISBN 978-5-388-00488-8

Аннотация

Эта книга – о передовой технологии принятия решений. Сегодня специалисту доступна практически любая информация. Но еще Аристотель говорил, что многознание не научает истине. Как же докопаться до смысла, как действовать в случаях, если информации слишком много или мало, а правила не определены? В предлагаемой читателю книге раскрываются секреты концептуального проектирования. Вы узнаете, как профессионально встречать сложную реальность, какие методы и инструменты вам потребуются для принятия успешных решений. Значительную часть книги составляет практикум. Скучать вам не придется – задания даются в веселой, игровой форме.

Книга предназначена для менеджеров среднего и высшего звена, маркетологов, аналитиков, руководителей всех уровней. Полезна она будет также психологам-консультантам и бизнес-тренерам.

Содержание

Настройка	4
1. Как профессионально встречать сложную реальность	7
Пять шагов проекта концептуальных решений	8
Как нам дается данность	15
«Треугольник данности»	15
Полный список отрезков постигаемой реальности	17
Про интуиции в проектной практике	19
Концептуальные «подсказки» аналитику	23
Эстетика первого шага	26
А что надо для решений?	31
Играть не в смыслы, а в контексты	31
Жива ли душа у концептуалистов?	33
Смысл смысла	34
Условие смыслорождения в концептуальной практике	37
Принцип «четырнадцатой операции»	42
Техники истолкования сложной реальности	48
Практические рецепты от герменевтики	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Теслинов

Концептуальное проектирование сложных решений

Андрей Георгиевич Теслинов – профессор кафедры методологии и дидактики бизнес-образования Международного института менеджмента «ЛИНК», ректор Открытого Университета Великобритании, руководитель «Мастерской концептуального мышления Андрея Теслинова» <http://teslinov.ru>

Настройка

Теперь мы будем говорить об искусстве мышления в работе со сложностями. Эту область глубокой аналитики в менеджменте называют *концептуальным проектированием решений*¹. Исторически она появилась в ходе практики концептуального проектирования систем организационного управления (*КП СОУ*) и к настоящему времени выросла в мощную технологию и методологию работы со смыслами при принятии решений в размытых предметных областях. Это такая область деятельности, где принятие каких-то конкретных управленческих или иных решений еще невозможно по причине отсутствия ясных различий ситуации и надежных представлений обо всем, что надо иметь в виду, чтобы что-то решать.

До недавнего времени, а часто и сейчас здесь почти не используются никакие инструменты. Лучшим приемом в таких случаях был и остается еще мудрый совет Козьмы Пруtkова – дели пополам! Выпускники бизнес-школ понимают, что я говорю о так называемом SWOT-анализе. Многих он спасает в ситуациях неопределенности тем, что дважды делит их пополам: сначала на внутреннюю и внешнюю части, а потом на благоприятное и вредное для компании или управленца... И проблема сложности как-то разрешается. А далее здесь происходит почти то же самое, что и в художественном искусстве – «если Вам уже надоели „фотографии на память“, то приступайте к освоению серьезной профессиональной работы с инструментами». В этом смысле концептуальные техники работы с неопределенными, размытыми предметными областями при движении к их пониманию и управлению ими и есть такого рода профессиональные инструменты аналитика высокого уровня мышления – Вы это почувствуете.

Я говорю «теперь» мы будем рассуждать об искусстве концептуального мышления, имея в виду, что о его основаниях мы уже говорили на страницах предыдущей книги серии. Это дает мне возможность мысленно обращаться к Вам как к человеку, уже знающему вкус концептуальной работы и нуждающемуся теперь в ее конкретных методах.

В этой книге речь пойдет об искусстве концептуального проектирования решений, то есть о практическом испытании правил и приемов концептуального мышления. Здесь к проектированию я буду относиться как к осознанному процессу, приводящему к чему-либо, к решениям концептуального уровня. Правда, здесь не будет чертежей, документов, расчетов и прочего, что составляет проект в строгом современном смысле. Но «проектирование» в нашем случае это точное слово, поскольку опирается на исконное – пробрасывание вперед.

¹ Курсивом здесь выделены термины, уточненные в терминологическом словаре.

Говоря об искусстве концептуального проектирования, я имею в виду искусство как искус (искусный, искусить), то есть «испытание». Из всего живого этим занимается только человек – другим существам с пульсирующим сердцем это ни к чему. Скажем, волк ничего не испытывает – он сразу делает то, что нужно. А мы делаем это, делаем ради обучения, ради создания надежных средств достижения каких-то целей, из осторожности, ради удовольствия и прочего. И мне хочется определиться с тем, для чего я буду публично испытывать концептуальное мышление.

Прежде всего я надеюсь, что этим смогу помочь кому-то разобраться в техниках концептуального мышления, освоить логику совершения интеллектуальных и душевных усилий для нахождения решений в «тумане» мнений, взглядов, суждений, надежд, которыми богат современный менеджмент, да и вообще – мир людей. Надеюсь, мне удастся упорядочить не только Ваши, но и свои наработанные на практике представления о методах концептуального проектирования сложных решений, о методах извлечения смыслов в размытых представлениях, сделать шаг в развитии собственного и, надеюсь, Вашего мышления. Согласитесь, цели хорошие, и я по мере сил буду им следовать. А еще мне хочется... немного поиграть.

Игра как жанр, мне кажется, уместна здесь. Во-первых, техники концептуального проектирования не просты и чаще всего представляются специалистами чрезвычайно усложненно. Поэтому мне хочется дополнить эту сложность и серьезность до целого чем-то простым... играя. Во-вторых, потому, что, как известно, в игре легче раскрывается любая деятельность и даже деятельность ума. В-третьих, потому, что игра – это высшее искусство. В этой мысли я согласно следую за Шиллером, показавшим, что «человек только тогда человек в полном смысле, когда он играет». И наконец, потому, что из игры можно извлечь нечто большее – веселость. Я имею в виду веселость не как беспричинную радость и смех, а как некое любовное отношение к происходящему. Помните, в «Игре в бисер» у Гессе «...настоящий игрок должен быть налит радостью, как спелый плод сладким соком, он должен быть полон прежде всего веселостью музыки, веселостью, которая есть не что иное, как праздничное жертвоприношение... Веселость эта – не баловство, не самодовольство, она есть высшее знание и любовь, она есть принятие всей действительности... Она есть тайна прекрасного и истинная суть всякого искусства». Словом, там, где это будет возможно, я приглашаю Вас поиграть. Думаю, игра и ее веселость проявятся в тех примерах, которые я буду приводить для наглядности приемов концептуального мышления.

Всем этим я нацеливаюсь на следующее.

Мы будем испытывать техники, методы, которыми пользуются умельцы концептуального проектирования решений.

- Будем рассматривать их разнообразно, с основаниями и по мере сил свободно от намерения придать облику концептуального мышления монументальный характер, характер памятника современным достижениям человечества.

- Будем прикасаться к скрытым от скорого внешнего взгляда граням концептуальных техник, но все же не стремясь к академической строгости, а стремясь более к практической ясности – именно это нужно менеджеру-современнику, не так ли?

Там, где нет готовых ответов на возникающие вопросы об искусстве концептуального мышления, будем сочинять.

Думаю, что в первую очередь книга будет полезна аналитикам проблем концептуального уровня и прежде всего – бизнес-аналитикам. Для них концептуальные техники работы с неопределенными, размытыми предметными областями могут послужить хорошим инструментарием анализа и принятия решений с опорой на глубокие в философском плане подходы.

В этом же, думаю, найдут интерес и утешение исследователи, консультанты в области управления сложными процессами в экономике, в социальных полях, разработчики концепций различного назначения. Надеюсь так же быть интересным широкой аудитории, размышляющей о границах и возможностях конструктивного мышления вообще и своего собственного.

Пойдем от общего к частному, а затем снова вернемся к общему, но уже обновленными...

1. Как профессионально встречать сложную реальность

Здесь рассматриваются подходы и техники работы со сложными явлениями действительности на ранних этапах концептуального проектирования решений. Это работа по выделению предметной области и ее конструктивному объяснению.

В инструментах раскрывается линия мышления при восхождении от конкретного к абстрактному ради понимания сути явлений.

Торопящимся практикам можно пропустить рассуждения о смыслах смыслов и сразу заняться освоением рецептов работы с ними. Этому помогают упражнения для тренировки навыков. Однако стоит ли торопиться...

Пять шагов проекта концептуальных решений

Среди удивительных метаморфоз нашего века есть одна, которая имеет прямое отношение к развитию мышления вообще и к возникновению феномена концептуального мышления в частности. Это подмена «встречи» как понятия и действия на «коммуникации» и «контакты». Издревле «встречаться» означает сходитьсь или съезжаться с кем-то, идущим в противоположном направлении; находить кого-то или что-то по пути; доживать до чего-то; взглянуть разом друг на друга; соединиться мыслями, задумать одно и то же; вспомнить, опомниться, спохватиться! Словом, встреча – это всегда оживление сознания. Коммуникация же (с франц.) означает сообщение. Неодушевленное сообщение... и все. В слове «контакт» тоже что-то важное от «встречи» потеряно. Например, Петя позвонил Клавде, что-то сказал и спросил, та ответила... Контакт был, а встречи не было. Там, где не было оживления сознания, там не было и мышления.

Итак, встреча с реальностью – **первый шаг** на пути к возбуждению и разрешению концептуального мышления, впрочем, как и любого мышления вообще. Я говорю о встрече с чем-то или с кем-то как о событии, которое задевает наше сознание. С чем же или с кем надо встретиться, чтобы оживиться умом? А с чем надо встретиться, чтобы оживиться высоко и красиво?

Вот пример реальности: «Когда толпа веселится, трудно заставить ее плакать, и, наоборот, при грустном настроении собрания нелегко его развеселить. Когда масса людей воспитана на определенных взглядах, ей крайне трудно или почти невозможно привить противоположные взгляды и, наоборот, ей крайне легко принять взгляды, стоящие в соответствии с усвоенным путем воспитания»².

Находясь среди этих людей, с чем на самом деле Вы встретитесь? Бехтерев здесь встретился с социальным законом инерции. Но его же не было в той толпе?!

Другая реальность – военный самолет. С чем Вы встретитесь, если Вам посчастливится посидеть за штурвалом какого-нибудь истребителя? А. Экзюпери почти никогда не встречался здесь с кнопками, приборами, рычагами... Вы помните: «Для меня самолет – это способ, которым я постигаю мир».

Вот еще одна реальность – в небольших городках даже в самых хороших гостиницах через час после поселения, как правило, звонит телефон, и мягким голосом Вам предлагают: «Не желаете ли провести вечер с нежной, ласковой девушкой?» Вы, действительно, мыслите встретиться с нежностью и лаской или с чем-то другим, если согласитесь? Заметьте, Вы не в Таиланде, а в среднерусской глубинке.

А с чем нужно встретиться, чтобы захотеть помыслить событие концептуально? В этой (второй ³) книге, наверное, уже нет нужды говорить о том, что не всякая встреча возбуждает концептуальное мышление? И все же несколько примеров таких встреч не помешают...

ПОПРОБУЙТЕ. Известно, что любая современная бизнес-школа, претендующая на авторитетный уровень в национальном рейтинге, должна

² Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – С. 267.

³ Предыдущая книга серии: Теслинов Л. Г. Концептуальное мышление в разрешении сложных и запутанных проблем. – СПб.: Питер, 2009. – 288 с.

иметь в своем «портфеле» хотя бы одну программу Executive MBA. Если бы перед Вами поставили задачу разработать такую программу с нуля, то о чем бы Вы стали размышлять по ее существу, с чем бы Вам надо было встретиться?

Пусть Ваша компания успешна. Пусть в ней есть и небольшое производство, и коммерческий сектор. Пусть ее состояние на сегодня таково:

Показатель (год)	Значение
Численность персонала	84 чел.
В т. ч. количество менеджеров/исполнителей	15/69
Текучесть кадров	16,7 %
Годовой товарооборот	60 млн руб.

Показатель (год)	Значение
Процент валовой прибыли	ср. 72 %
Среднемесячный товарный запас	28 млн руб. /месяц
Рентабельность компании	33,6 %
Доля рынка в городе	75 %

Предположим, в этих условиях Вы осознали живую потребность развивать свой бизнес дальше. О чем Вам нужно подумать при этом? С чем Вам надо встретиться здесь?

Вот еще пример. Ваша организация – крупная тепловая генерирующая компания страны. В ближайшем будущем она окажется в условиях свободного рынка, где ей придется конкурировать с другими подобными энергокомпаниями. Сейчас все они находятся примерно в одинаковых стартовых условиях: у каждой есть своя «ниша» на рынке, они примерно в равной степени обеспечены производственными и кадровыми ресурсами. Вы понимаете, что прибыль компании зависит от того, насколько низки цены на исходное сырье (топливо), насколько высоки цены на конечный продукт (электроэнергию), который Вы не можете изменять, насколько высоки объемы продаваемого продукта. О чем Вам нужно помыслить, с чем Вам нужно встретиться, чтобы по итогам этой встречи принять стратегическое решение по созданию конкурентных преимуществ?

Этими примерами мне хочется показать, что встреча как первый шаг концептуального проектирования решений вовсе не проста. В каждой из встреч образуется своя особенная данность. Однако без первого шага не состоится второй...

Второй шаг – истолкование данности, с которой произошла встреча. Это объяснение, уяснение сути, смысла того, с чем встретилось и чем оживилось наше сознание. И если первый шаг мог быть началом любого мышления, то второй шаг – это уже совершенно надежный знак поворота к мышлению концептуальному. Это уход от *представлений* в строгом смысле этого слова к *концептам*.

Известно, что познаваемое дается нам либо в представлениях, либо в понятиях, а между ними большая разница. Первые – плод психических процессов – ассоциаций, переживаний, образов, как, например, в поэзии, музыке, художественном искусстве. Вторые – результат рассуждений, умозаключений, логики. Это не означает, что дорога к понятиям

лишена психической работы. Более того, в образовании концептов нам очень часто помогают образы и другие представления. Но это означает, что результат истолкования чего-либо в акте концептуального мышления – это всегда понятый и выраженный в понятиях смысл.

Две формы познаваемого

Здесь стоит сделать два замечания. **Первое** – из истории термина «концептуализм». В XVII веке им обозначалось особенное психологическое направление в теории познания. Согласно ему утверждалось, что наш ум не имеет дела с реальными сущностями вещей, что они всегда остаются недоступными ему и что сознание наше оперирует только номинальными сущностями, знаками. По этому учению значением слова является представление – «идея в душе говорящего» – которое появляется как выражение или отображение действительности. Такое представление возникает в результате психических процессов, так сказать, возникновения общего понятия (концепта). Ключевыми теоретиками такого концептуализма были Локк, Беркли, Кэмпбелл, Юм. Разумеется, в этом смысле средневековый концептуализм решительно отличается от того «поворота», который теперь совершаем мы с Вами.

Второе замечание – это размышление над таким вопросом: какова начальная граница концептуального мышления, раньше которой его не стоит применять в постижении действительности? Сейчас ответ может быть таким: концептуальное мышление не нужно там, где достаточно лишь представления о действительности. Что это за ситуации – об этом можно порассуждать, если интересно.

Итак, истолковать – это означает в концептуальном акте понять смысл постигаемого отрезка реальности и выразить его в понятиях... как-нибудь (Упражнение 1).

Например, с некоторой точки зрения смысл техники – это «вскрытие потаенного»⁴. Или, например, Или, например, смысл жизни с некоторой позиции – это «изживание»⁵... и только. Смысл поклонения двенадцати богам Олимпа – это уподобление себя высокому и устремление к нему. Смысл времени с позиции безнадежности есть «отрезок прямой, концы которого тают в тумане нашего умственного бессилия»⁶.

Если постараться, можно как-то конструктивно выразить смысл таких реальностей, как «управление подчиненными», «управление персоналом»,

⁴ Хайдеггер М. Бремя и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

⁵ Риккерт Г. Философия жизни: Пер. с нем. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.

⁶ Придионов А. М. Обретение сути. – М.: Фолиум. – 1999. – 96 с.

«управление человеческими ресурсами», – Вы же понимаете, что все это разное?!

Вы видите, что здесь еще нет того строгого языка понятий, на котором выстраиваются все концептуальные конструкции, – это будет дальше. На этом шаге важнее строгости другое – перевод подразумеваемого смысла в явную форму, *имплицитного* в *эксплицитное*. Здесь вполне годятся определения простые по форме и точности – контекстуальные и даже псевдоконтекстуальные.

Третий шаг – выразить понятый смысл предельно точно, богато и... красиво.

- Выразить смысл точно – это значит, строго различая в нем все компоненты: элементарные признаки понимаемых «вещей» и явлений, все отношения, все решения и предположения относительно границ смысла и прочее.

- Выразить смысл богато – это значит так, чтобы сохранить и по мере сил умножить его объяснительные возможности.

Выразить смысл красиво – это по крайней мере так: минимальными средствами показать его максимальное содержание. Не к этому ли стремятся и в художественном искусстве?⁷

Выразить смысл красиво – это по крайней мере так: минимальными средствами показать его максимальное содержание. Не к этому ли стремятся и в художественном искусстве?

⁷ В этой книге для усиления выразительности смыслов и приемов концептуального мышления представлены фотографии Валерия Миняева.

Мне представляется, что в этом пункте начинается эстетика концептуального мышления. Но об этом позже, возможно, в других беседах. Важно, что здесь совершается следующий отворот от традиционного русла техник мышления к концептуальным техникам. Здесь начинается напряженная, но увлекательная игра с абстракциями.

Истолкованный, понятый и выраженный в виде *концептуальных конструкций (схем)* смысл – часто этого достаточно для концептуалиста. Ведь при этом все состоялось – встреченная реальность понята и схвачена в надежные руки-концепты, смысл готов к полной развертке своего содержания. Сознание достигнутого при этом высокого уровня абстрактности свидетельствует о глубоком овладении предметной областью, о ее интеллектуальном поглощении. Чего еще желать ищущему сознанию и душе аналитика? Кстати, именно здесь, на этом эмоциональном перевале часто и останавливают свой путь многие концептуальные проекты, не завершая концептодеятельности. Но там, где нужны решения, а не только удовольствие от сознания владения предметной областью, она должна быть продолжена.

Четвертый шаг – развертка сконструированного смысла. Мы говорили прежде о том, что существуют три формы использования *концептуальных схем*. Это (1) порождение новых понятий-следствий, (2) придумывание им имен, (3) интерпретация содержания смысла. Сейчас мы говорим о первых двух из этих форм. По сути четвертый шаг есть вскрытие и раздаривание богатства, которое открылось сознанию в добротном сконструированном смысле. Без такого знака щедрости концептуальный акт не завершен.

Однако в этом шаге проявляется не только альтруизм и человеколюбие концептуалиста, в котором он снисходительно соглашается поделиться добытым знанием. Здесь он может обогатиться и сам. Очень часто среди понятий-следствий появляются такие, которые не были очевидными, известными, ради которых не следовало бы трудиться над распаковыванием сжатого в концептуальные тиски смысла. На этом этапе и добываются такие понятия. Впрочем, кому-то нравится открывать плантации жемчуга смыслов, кому-то – извлекать из их глубин жемчужины, а кому-то продавать и перепродавать их. Это предпоследний шаг.

Пятый шаг – это выбор и осуществление нужного концепта из того разнообразия, которое получено при развертке *концептуальных схем*. До этого момента вся концептуальная работа была лишь подготовкой к тому, чтобы получить одну или ряд отчетливых картин предметной области, с которыми можно было бы работать дальше. Собственно, само концептуальное решение здесь – это тот концепт, то понятие, которое наилучшим образом объясняет сложную, непонятную до этого момента реальность. А «работать дальше» с такими концептами означает осуществлять их, то есть интерпретировать, воплощать, задействовать... Что Вы обычно делаете, когда говорите себе примерно так «Ну, теперь-то я понял, что...»? Дальше можно просто спокойно уснуть – концептуальное решение состоялось. Это последний шаг.

Итак, полноценный акт концептуального проектирования решений преодолевается пятью шагами:

Шаг первый – встреча с данностью.

Шаг второй – истолкование смысла данности.

Шаг третий – конструирование смысла или, иначе, *концептуализация* данности.

Шаг четвертый – развертка концептуально сконструированного смысла и порождение концептов-следствий.

Шаг пятый – выбор и осуществление нужных концептов как решений.

В таком порядке и стоило бы рассмотреть искусство концептуального проектирования решений. Однако есть несколько обстоятельств, побуждающих к расстановке акцентов и к чуть иной логике нашего восхождения по этой интеллектуальной «лестнице».

Во-первых, по-особенному интересна встреча с явлением, возбуждающим акт концептуального мышления. Причины для «встречи» могут быть разными – удивление, случайный всплеск живого интереса, внешнее задание, внутренний познавательный зуд и прочее. В любом случае всегда это некое познавательное препятствие, которое возбуждает исследовательский процесс. Во встрече важно другое – КАК нам в ней дается явление? Понятно, что мышление работает с некоей данностью, но вид этой данности, форма и условия, в которых она дается нам, существенным образом определяют ход последующей концептодеятельности. Одно дело – разбирать тексты, совсем другое – пытаться понять и выразить смысл бизнес-реальности, и уж совершенно безнадежное дело – понять женщину. Надо бы специально рассмотреть то, как нам дается все это и многое другое.

Во-вторых, истолкование явлений (на втором шаге) интересно способами, какими наше мышление пытается понять данность. Что такое «смысл» и как он «схватывается» мышлением в ходе понимания? Как мы истолковываем (интерпретируем) данность того или иного вида? Как интуиция находит выражение в понятиях? Какова при этом роль понятий? Как вывести размытые представления о реальности, о бизнес-реальности на уровень явных схем и конструкций? Это вопросы, на которые и сейчас еще пытаются ответить философия, когнитология, герменевтика, филология, системология и другие науки. Мы используем здесь их откровения, но лишь с практической стороны, дополняя теми подходами, которые выработала практика принятия решений в размытых предметных областях.

В-третьих, хотя концептуализация смыслов на практике осуществляется многими и весьма успешно, но она еще не отрефлексирована мыследельцами в полноте и не отчуждена еще от практики в завершенные методы. Мы будем достраивать их. Надо специально поговорить о методах построения концептуальных схем, об их развертке и о выборе концептов-решений.

И наконец, мне хочется приподнять вопрос об образовании имен новых понятий. Это не простая проблема концептуального ремесла. Ведь из концептуально сконструированных смыслов появляются новые понятия... безымянные, а только с понятным содержанием. Долго ли Вы можете иметь дело с тем, чему нет имени?

В риторике концептуальных дисциплин вопрос об именах понятий еще не раскрыт. Однако соблазн понять, как возникают новые термины и как осмысленно можно управлять

этим процессом, весьма велик. Вы же помните: «Как Вы яхту назовете, так она и поплывет!» Вопрос этот относится к специальным разделам филологии. Но мы попробуем прикоснуться к нему здесь ради придания разговору об искусстве концептуального проектирования решений полноты и завершенности.

По этим соображениям наша логика освоения акта концептуального проектирования решений будет выстраиваться далее так.

1. Как правильно встречаться со сложной реальностью, чтобы она становилась нужной данностью для нас.
2. Как истолковывать данность, добывая смыслы.
3. Как превращать смыслы в концепты и концептуальные конструкции.
4. Как совершать операции над концептами, вскрывая концептуально построенные смыслы и выбирая концепты-решения.
5. Как сотворять имена новым концептам-решениям.

В завершение этого разговора попробуем осмыслить характер искусства концептуального проектирования решений как технологии.

Нетрудно заметить, что этой логикой мы с Вами придаем нашему разговору философскую окраску. Это так, поскольку, во-первых, по технологической сути философствование – это изготовление, творчество концептов. Это мудрствование, основанное на порождении смыслов, выражаемых в концептах⁸.

Во-вторых, постановка наших вопросов – есть предмет философии. Известно, что философия изучает действительность не как данность, противостоящую нам. Хорошая философия прежде всего «спрашивает» – как дано нам то, что мы хотим понять? Поэтому, начиная осваивать концептуальную практику с вопроса о том, как встречаться со сложной реальностью и как понимать ее, прежде чем что-то решать о ней, мы вступаем на путь философии.

«Философия изучает действительность не в данности, а через данность. Данность действительности есть данность опыта, переживания, сознания – через них изучает философия действительность. Прямой объект философии поэтому сознание, в котором и через которое все дано... другими словами, опыт и наука – о действительности, философия – о понятии действительности!»⁹

В-третьих, мы будем исследовать не только, вернее, не столько техники концептуальной работы со сложностями, сколько думать о них определенным образом. По Гегелю, это и есть философия, которая начинается там, «где есть мышление мышления». Разве не этой способностью – думать о том, как думать, – отличается «высокий» руководитель от «низкого»?

Пойдемте по порядку...

⁸ /Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. и послесл. С. Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 1998. – С. 10.

⁹ Шнеп Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 45.

Как нам дается данность

*Мастер слушал внимательно.
– Надо ли обращать внимание на сны? – спросил Иозеф. – Можно ли их толковать?
Мастер посмотрел ему в глаза и сказал коротко:
– На все надо обращать внимание, ибо все можно толковать.
Г. Гессе. «Игра в бисер»*

Смотрю в окно и вижу, как рассветные лучи оранжево раскрасили белую стену дома напротив. А купола собора вдали сверкнули золотым... и медленно потускнели, сравнялись с темной полосой домов и леса Измайловского парка. Чуть позже снова взглянул в окно и заметил: «Стекла не мыл, наверное, с весны... В воскресенье надо бы вымыть окна, заодно и в столе навести порядок». Так что же в окне было данностью?

Двое заключенных стоят вечером у окна камеры и смотрят на улицу возле тюрьмы...

– Какая грязь на дороге! – говорит один.

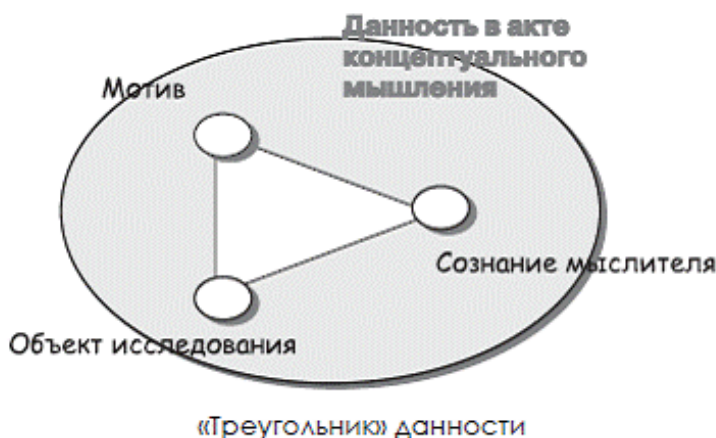
– Да... А какие звезды в небе! – говорит другой.

Два этих простеньких примера – свидетельство того, что данность нашему мышлению – это вовсе не та реальность, которая противостоит нам в готовности показать все, на что падет наш взгляд или к чему прикоснется луч нашего сознания. Это не дома, не люди, не машины, не вещи, которые можно потрогать. Это не тексты, не слова, которые можно услышать или прочитать. Это не тот самый «весь мир» в его материальной и нематериальной формах, пассивно ожидающий нашего обращения к себе. Данность – это то, что мы зачем-то или почему-то берем сознанием из всего этого мира. С ней-то и происходит работа нашего мышления. Вы умеете правильно «брать» правильную данность?

«Треугольник данности»

Во всех случаях данность, с которой работает наше мышление, это то, что возникает в «треугольнике»:

- объект исследования;
- мотив, задача исследования;
- наше сознание.

Вы можете подумать, что все это не столько сама данность, сколько ситуация, в которой она открывается нашему мышлению. Прежде мы говорили о такой ситуации, как о *когни-*

тивной ситуации. Так думать тоже правильно. Но все же надежнее думать, что весь этот «треугольник» выступает в акте концептуального мышления как «единица» данности.

В этом «треугольнике» **объект исследования** – это любой «отрезок реальности» непростого мира, который ждет любовного прикосновения нашего любопытствующего сознания.

Мотив – это все то, что побуждает нас так или иначе смотреть на мир. В управляемых актах мышления это некая исследовательская задача, которую мы сознаем или даже не сознаем до конца. Это, например, заказ на концептуальное проектирование чего-либо или некое препятствие, которое сдерживает наш познавательный процесс. В произвольных актах мышления – это некая внутренняя или внешняя установка, некий фактор, некое влияние, которые придают потоку нашего сознания определенное направление. Для этого фактора есть верное русское слово – настроение. Точнее – умонастроение. Или еще точнее – намерение.

Сознание исследователя – это то, что понятно каждому, но в действительности – сущая загадка. Пусть будет так: «...сознание есть непрерывный поток, в котором никакая конкретность не поддается строгому фиксированию в понятиях...»¹⁰. Я бы продолжил так: «...без неких указателей на способ работы с объектом исследования как со своим содержанием».

Полноценная культура концептуального мышления вырастает на признании того, что все эти компоненты «треугольника» признаются равнозначными в любом акте мышления. Это означает многое. По крайней мере, следующее.

1. Любой новый мотив, любая новая задача даже при одном и том же объекте исследования порождают новую данность. Именно поэтому в зависимости от умонастроения данностью становятся либо звезды в небе, либо грязь под окнами.

2. Ложный, или неосознаваемый, мотив создает случайную для мыслителя данность. У Вас такого не было? В миру это называют «подменой предмета размышления».

На одном из семинаров с руководителями организаций по «Управлению изменениями» мы с коллегой показали видеосюжет из замечательного фильма «Девчата». Это момент, где бригада Рыбникова придумывает свой особенный подход к лесоповалу, а соседняя бригада завистливо подслушивает их разговор. Словом, всем понятно, что бригады эти несовместимы, так как конкурируют друг с другом, да еще и сильно привержены своим бригадирам. После видеосюжета перед слушателями ставится задача – предложить подход, стратегию и тактики для изменения ситуации – объединения усилий этих бригад для нового проекта. Трудность для менеджера здесь очевидна – как повести себя руководителю, если ситуация угрожает непримиримым конфликтом?

Три группы бывалых и не в таких переделках слушателей-менеджеров стали придумывать способы... штатной должностной перестройки в бригадах: Рыбникова для начала перевести на другую работу, приказом временно назначить другого, над обеими бригадами назначить третьего руководителя и т. п. Заметьте, вместо данности, которую мы предложили, – «процесс объединения усилий» все группы «взяли» данность совершенно другую – «изменение штатного расписания в бригадах». Случай это простой, но показательный – нам нравится работать с данностью, к которой мы

¹⁰ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

привыкли. Факт подмены данности для концептуальной работы – это бедствие.

Ни одна реальность, ни один объект исследования не обнаруживает никакой (!) данности самостоятельно, без сознания исследователя, «намагниченного» мотивом. Данность не возникает без сознания, направляемого нашим внутренним намерением. Для будущей развертки смысла совершенно не важно, есть ли, скажем, у настольной лампы некая принадлежащая только ей реальность, например, размеры, мощность излучения, форма и прочее... у нее будет «взято» для мышления только то, что этому смыслу «нужно».

Есть замечательный и уже классический пример у Аристотеля – пример с секирой. Суть этого предмета, которую можно усмотреть в нем как его «внутренний смысл», есть «рубить». Но спрашивается, как можно усмотреть этот смысл, если его нет в собственных свойствах предмета? В нем есть металл, рукоять и т. д., но ничего от «рубить» нет. Надо «захотеть» увидеть этот предмет в его назначении, и тогда появится значение «рубить». А при других мотивах, при других «хочу» в нем можно усмотреть и совершенно другое, например, такое, как «устрашать», «защищать», «обмениваться» и т. д.

Какую данность для мышления и разрешения Вы возьмете в ситуации, о которой пишет Том Питере: «Мы бегаем по кругу. От Голливуда до Силиконовой долины. Шведские профессора Кьелл Нордстрем и Йонас Риддерстрале написали в книге «Бизнес в стиле фанк»: „Общество всеобщего достатка в избытке населено одинаковыми компаниями, одинаковыми сотрудниками, одинаковым образованием... что приводит к одинаковым идеям, одинаковым товарам одинакового качества... по одинаковым ценам". Кошмар»¹¹.

Итак, что Вы возьмете здесь для размышления? Вам нужна подсказка? Вам обязательно нужна «подсказка» – без нее здесь можно взять все что угодно!

3. По мере развертки акта мышления и изменения состояния нашего сознания данность изменяется. Факт этот странный, но истинный: в ходе работы концептуалиста данность, с которой он работает, меняется. И не однажды. Это обстоятельство – предтеча той самой подмены данности. Впрочем, как и предтеча схватывания все более точного смысла реальности.

Рассмотрим тщательнее детали «треугольника» данности. Они есть и весьма существенно влияют на последующую концептуальную работу.

Полный список отрезков постигаемой реальности

Объектами исследования для концептуальных решений могут выступать все возможные «отрезки» реальности, а именно: все твари по паре, земля и небо, люди, начиная от Адама, боги, небожители, Три Высших Драгоценности (драгоценный Учитель, драгоценное Учение, драгоценная Община), «семь драгоценностей чакравартина» (драгоценное колесо, драгоценность чинтамани, драгоценная царица, драгоценный советник, драгоценный полководец, драгоценный слон, драгоценный конь), все фильмы Никиты Михалкова, «Пять уроков перестройки» и все остальное. Упрощая этот список, можно сказать: все, с чем мы имеем дело в мышлении, – это «вещи», идеи и знаки того и другого. А больше и вообще ничего нет!

¹¹ Питере Т. Представьте себе! – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – С. 87.

Однако я склонен согласиться со Шпетом в том, что в такой полярности, как «вещи – идеи», есть еще одна «промежуточная» реальность, которая побуждает к каким-то особым способам ее постижения. Это реальность социальная – мир людей в их социальном бытии. Любой руководитель знает, что персонал – это стихия, это особая материя с нелинейными свойствами – никто не может знать совершенно точно, какая реакция состоится при том или ином воздействии на нее. Судите сами: бытие физических вещей мы можем познать прямым (и косвенным, через приборы) наблюдением, осязанием и прочими «органами». Идеи мы постигаем в бытии психическом. А реальность социальную?

«Вся история философии дает нам только это разделение: чувственное и разум, – в разных формах, под видом разных теорий, об одном же идет речь у Платона, Декарта, Канта... Мы не думаем здесь исправлять Платона или Декарта, но обращаем внимание на обратную сторону этого разделения: всюду, где оно приводится в той или иной форме, мы встречаем и коренное затруднение в философии при попытке перекинуть мост через пропасть, образуемую между названными двумя родами источников познания... Однако здесь пропущен особый вид эмпирического бытия – бытие социальное, которое, согласно принятому нами положению, должно иметь и свою особую данность, и свой способ познания. Нам здесь действительно приходится иметь дело с совершенно своеобразным способом познания, в котором основную роль играют так называемое вчувствование и сходные с ним акты»¹².

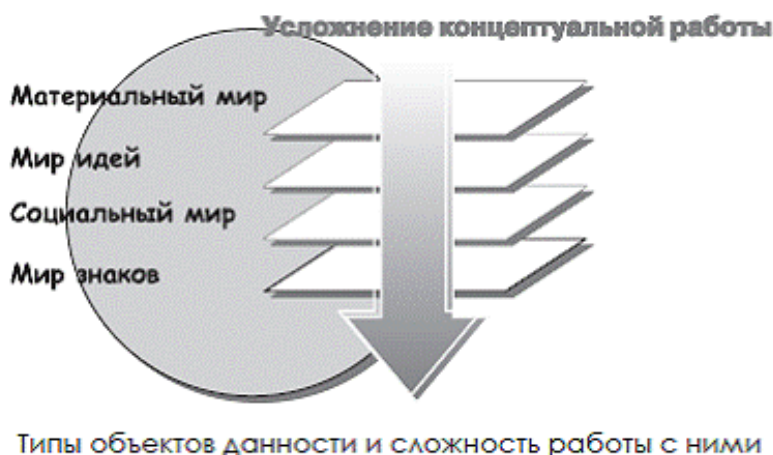
Действительно, как «увидеть», например, отношения пренебрежения, или зависти, или процесс элитного обособления, которые, положим, развиваются в некоей организации и должны стать объектом концептуального анализа для какой-то проектной задачи? Пожалуй, через знаки, но и... через вчувствование, через проживание этих отношений.

Я хочу подвести Вас к мысли о том, что основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир «вещей», который мы можем наблюдать;
- мир идей – абстракции, образы, представления и все прочее, что способно порождать наше сознание. Психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир – бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;
- мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. Как писал Августин Блаженный: «Знак есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но еще и вводит с собою что-нибудь в мышление». Это все то, что указывает нам на исследуемую реальность.

Эти различия полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными «отрезками» реальности, с разными мирами данностей. Замечу только, что сложность этой работы возрастает сверху вниз.

¹² Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

Про интуиции в проектной практике

Второй компонент «триады» – сознание аналитика. Для простоты и наглядности сознание можно уподобить потоку некоей психической «материи», которая ведет себя по аналогии с потоком воды – он движется, увлекает в себя новые «струи», разветвляется на «рукава», создает «воронки», «бочки», «лакуны» и другие различия в однородности психической «материи». В такой картине сознание мыслителя-концептуалиста это поток, все изменения в котором совершаются неким упорядоченным и самоконтролируемым образом. По моему убеждению, наиболее надежное объяснение тому, как все это происходит в нем и как при этом формируется данность, дает феноменология, феноменологический взгляд на психический мир.

Интуиция (лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть) – непосредственное постижение истины без логического обоснования, основанное на предшествующем опыте; чутье, проницательность.

Согласно этому взгляду все явления можно уподобить «вещам», которые вовлекаются в поток сознания лишь при непосредственном соприкосновении с его «материей». Этим свойством, свойством непосредственного, нелогического овладения феноменами, обладают наши *интуиции*. Они есть основанные на опыте «рецепторы» сознания, которые позволяют нам принимать, рассматривать и узнавать в непосредственности все, попадающее в его поток.

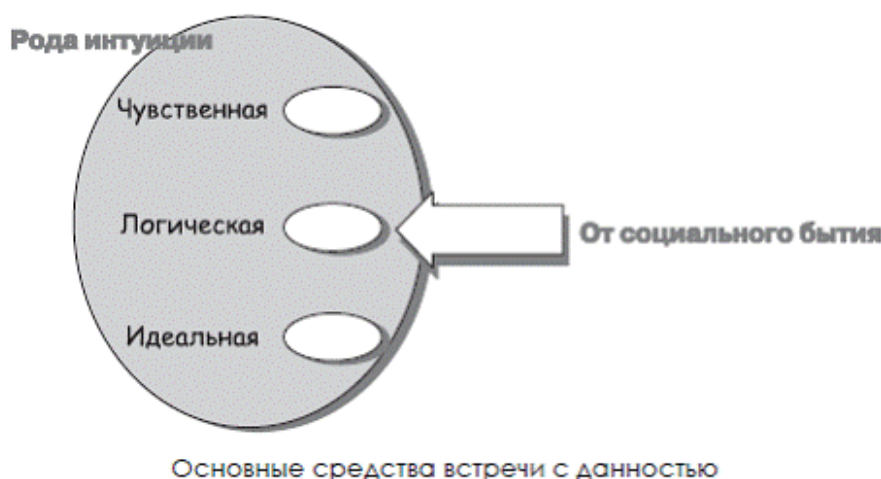
Согласно феноменологии Э. Гуссерля, постижение реальности опирается на два рода интуиции: чувственную интуицию опыта, которая «изучает» действительный и естественный мир, и интуицию идеальную (интуицию сущности), которая «работает» с миром идей¹³. Но теперь, когда мы согласились с идеей о социальном бытии как об особенном роде реальности, нам несложно будет принять мысль и о третьем роде интуиции – интуиции логической. Снова обращусь здесь к той части философии Г. Шпета, где он рассуждает о том, как получается, что мы не только владем нашими интуициями как содержанием нашего знания, но и пользуемся ими как средствами. О том, как между интуициями опытными и идеальными возникает постоянная связь благодаря некоей третьей интуиции.

¹³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М., 1990.

«Единственным и достаточным средством оказывается <при этом> нечто третье, что одинаково представляет как за чувственную интуицию, так и за идеальную. Очевидно, что возможность такого представительства, „отображения“ обоих родов интуиции в одном основывается на том же, на чем покоится коррелятивность самих интуиции»¹⁴.

Г. Шпет приводит к мысли о том, что этот третий род интуиции восходит к какой-то внешней работе нашего сознания, к работе по упорядочению и неким образом подготовке к **выражению** своих содержаний некоему Другому человеку, находящемуся с нами рядом. Оказывается, постигая что-то, мы уже сразу нуждаемся в том, чтобы кому-то рассказать об этом. Этого свойства нет ни у оленей, ни у дельфинов, ни у байкальской нерпы. Видимо, это приобретение недавнее, всего 5800-летней давности, откуда берет отсчет эра человеческого мышления. Именно поэтому такого рода интуицию можно отнести к социальной природе. Все это дает основание называть ее *интуицией логической*.

Итак, на встречу с данностью наше сознание направляет интуиции трех родов: чувственную, идеальную и логическую. Они и «усматривают» в реальности тот предмет, с которым дальше будет работать мышление.

Когда мать, будучи на расстоянии от своего ребенка, вдруг узнает, что с ним случилась беда или радость, – это пример действия интуиции чувственной. Когда Пятница, не зная языка, понимал то, что ему пытался на пальцах объяснить Робинзон, это было действие интуиции идеальной. Наверное, пример с таблицей, которая привиделась Д. Менделееву, можно считать примером интуиции логической – его усилия были обусловлены поиском ясного порядка между химическими элементами, о котором можно было бы ясно говорить другим и который можно было бы использовать для объяснения химического мира. Вы согласны?

Есть много примеров того, что все эти рода интуиции развиваются. Так, аналитик, долго работающий в какой-то предметной области, в какой-то момент начинает давать оценки ситуациям на уровне пророчеств. Скорее всего это факт развития интуиции идеальной. Долгая практика педагогического труда тоже приводит к способности быстро схватывать смыслы и понимать какие-то непростые явления за счет постоянной глубинной нацеленности на то, чтобы кому-то что-то объяснять. Это,

¹⁴ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 120.

наверное, пример развития интуиции логической (социальной). Мне известны хорошие примеры сознательного развития интуиции чувственной. Так, однажды в поезде мне встретила молодая женщина, которая занималась тем, что с закрытыми глазами вынимала из пачки маленьких карточек то белую, то черную, а потом смотрела на нее... На мой вопрос «что Вы такое делаете?» она ответила: «Развиваю интуицию». Позже мы выяснили, что карты «угадывались» ею с точностью более 80 %.

Скорее всего в каждом конкретном акте мышления никогда нельзя точно определить род интуиции, которая ему помогала. Наверное, это предмет особенной психической дисциплины, которую мы развивать не будем. Но для нашего разговора здесь важно заметить следующее.

- Весьма удобно рассматривать интуиции как некие первичные средства, с помощью которых наше мышление приобретает данность. Пусть механизм интуиции не раскрыт, но признание их наделяет нас возможностью составить хотя бы приблизительную картину начала концептодеятельности.

- Различение трех родов интуиции конструктивно хотя бы тем, что оно может направить нас на развитие некоторых важных личных способностей. Я имею в виду способность живого чувствования мира, способность улавливания идей, способность прояснения связей реального мира. Сознательное раскрытие в себе этих способностей и культивирование интуиции – верный путь к незамутненному мышлению. Здесь я вижу три помощника: любовь, медитацию и математику. Однако это предметы иного исследования.

- Признание интуиции как неких исходных средств концептуально строгого мышления дополняет его до целого – оно не должно отождествляться с сухой логикой и метаматематикой. Надеюсь, Вы увидите, что в этой сфере употребления ума есть очень много вызовов для задействования души.

Однако теперь может показаться, что, с введением представления об интуициях, механизм формирования данности упакован в одеяния таинства сильнее прежнего. Действительно, может сложиться мнение, что мастерство мышления вообще и концептуального, в частности, полностью зависит от степени развитости интуиции мыслителя. Отчасти это так. Но надо непременно заметить и то, что существование и активность интуиции еще не означает овладение явлениями сознания. Степень развитости наших интуиции позволяет нашему сознанию лишь замечать феномены, лишь более или менее надежно «захватывать» в свой поток сознания и превращать в свои содержания сигналы, идущие от реальности. «Удержание» же их в сознании и прояснение до очевидности, при которой можно работать с феноменами «как при свете ясного дня», совершаются посредством другой работы сознания.

«Находя интуиции в различной степени близости или отдаленности, на различных ступенях ясности, мы должны доводить их до степени „абсолютной близости“, где они и достигают для нас полной ясности... Мы можем говорить о своих ступенях ясности интуиции... Метод уяснения интуиции до полной ее очевидности требует постоянного приближения изучаемого переживания до степени абсолютной близости, „самоданности“... через уяснение единичных интуиции, сплетающихся с ними сущностей, углубления и уяснения взаимных связей и отношений»¹⁵.

Иными словами, приобретение данности связано не только с работой интуиции самих по себе, но и с уяснением их, с сомнением в них, с проверкой и перепроверкой, с анализом и синтезом, в результате которых содержание их приобретает ясность для нас. Так же

¹⁵ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 99.

и согласно Канту, объекты воспринимаются нашим сознанием и конституируются нами вне связи с какими-то правилами, посредством наглядных представлений, воображения. Однако синтез результатов деятельности этих наших способностей возможен на основании неких правил, способность к которым есть способность рассудка.

Если Вас все же не удовлетворяет это феноменологическое объяснение отражения мира в нашем сознании, если Вы – приверженец иного взгляда на этот процесс, то скорее всего Вы сумеете как-то иначе объяснить себе то, каким образом в нем образуются феномены по крайней мере двоякого рода – феномены опытной природы и феномены природы идеальной. Можно пойти в этом объяснении разными путями.

- Можно опереться на положения герменевтики о том, как наше мышление постигает реальность, пробрасывая впереди себя «сетку» предвосхищений смыслов¹⁶.

- Можно обратиться к положениям современных когнитивных технологий, в которых познание объясняется через механизмы возникновения в нашем сознании неких когнитивных карт и моделей реальности¹⁷.

- Можно обратиться к быстрорастущей на старых интеллектуальных удобрениях сверхновой дисциплине об управлении знаниями, в которой объясняется, как познаваемое появляется в ходе процессов кодификации и персонификации¹⁸.

Я же продолжу дальше.

Итак, объект исследования отражается в нашем сознании посредством интуиции. Но этим еще не объясняется появление данности. Для полноты объяснения нам необходимо ввести еще одно средство – это представление о некоем механизме направления интуиции.

В нашем сознании интуиции подобны коням, которые направляются в сторону, указываемую их наездником. Здесь «наездник» – это мотив, намерение – третий компонент «треугольника» данности. В феноменологии под мотивом понимаются интенциональные установки нашего сознания.

Осознанный мыслителем мотив, осознанные намерения дают направление интуициям, благодаря чему из наблюдаемой реальности поток сознания выбирает только нужное, а остальное «не замечает». Вот это «нужное» и есть окончательная данность.

¹⁶ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с; Гадамер Г.-Г. О круге понимания / Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 72–81.

¹⁷ Максимов В. М. Когнитивные технологии – от незнания к пониманию / Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций. Материалы 1-й Межд. конф. Москва, 11–12 октября 2001. – М.: 2001. Том 1. С. 4–41.

¹⁸ Мильнер Б. З. Управление знаниями. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 178 с. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

Кажущаяся простота этого механизма обманчива. Именно здесь обычно и подменяется данность. И нужны специальные усилия, чтобы, во-первых, осознать мотив, а во-вторых, под его влиянием направить поиск данности в нужном направлении. Здесь нам помогают некие «подсказки».

Концептуальные «подсказки» аналитику

Концептуальными «подсказками» будем называть некие условия, мотивирующие нас к тому или иному пути рассмотрения реальности и выбору предметной области для концептуальных упражнений. В «треугольнике» данности они обозначены как мотивы.

Разговор о «подсказках» начну издалека – из III века. Оттуда исходит к нам замечательный пример управляющего действия мотива на наше восприятие данности. Это сочинение Оригена – Учителя Александрийского. Показательна здесь книга 4 его «Начал», где Ориген определяет правила того, как должно читать и понимать Святое Писание и «какова причина неясности в нем, а также невозможного или бессмысленного по букве в некоторых местах Писания»¹⁹.

«...Мысли священных книг должно записывать в своей душе трояким образом: простой верующий должен назидаться как бы плотью Писания (так мы называем наиболее доступный смысл); сколько-нибудь совершенный (должен назидаться) как бы душою его; а еще более совершенный и подобный тем, о которых говорит апостол: "премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не века сего, не князей, века сего престающих, но глаголемъ премудрость Божию, в тайне сокровенную, юже предустави Богъ прежде века въ славу нашу", – такой человек должен назидаться духовным законом, содержащим в себе тень будущих благ. Ибо как человек состоит из тела, души и духа, точно так же и Писание, данное Богом для спасения людей (состоит из тела, души и духа)».

Далее в «Началах» изобретательно и наглядно объясняется не только этот троякий подход к чтению Писания, но и то, «как мы должны понимать божественное Писание в разных случаях, какие могут нам встретиться»²⁰. Иными словами, в зависимости от внутрен-

¹⁹ О началах. Сочинение Оригена Учителя Александрийского (III в.) / В русском переводе (с примечаниями и введением) Н. Петрова. – Новосибирск: ИПЧ «Лазарев Б. Б. и О», 1993. – 383 с.

²⁰ В объяснениях Оригена и сейчас можно усмотреть крамолу с церковной точки зрения. Так, например, поясняя, что

ней установки сознания, в зависимости от подхода и даже «случая» каждый может и даже должен прочитать «свое» Писание. Вскрытие этого обстоятельства и до сих пор возбуждает волны дискуссий и трудов в отношении «правильного», «истинного» прочтения священных текстов. Так, от Оригена и после Августина у католических писателей утвердился взгляд на четырехзначность Св. Писания (смысл буквальный, смысл моральный, смысл аллегорический, смысл анагогический), которая, впрочем, тоже неудовлетворительна, поскольку якобы разрывает целостный смысл на несколько значений.

Так это или иначе, но в концептуальных техниках выделение, обоснование и признание мотива (некоторой установки сознания, исследовательского намерения) как ключевого компонента данности является неоспоримым фактом. Без такого признания концептуальная работа немыслима в принципе.

ПОПРОБУЙТЕ. Известно, что в филологической практике создание текстов и их анализ могут проводиться на нескольких уровнях. Такими уровнями являются: речь обыденная, стилистика, риторика, поэтика.

Рассмотрите три разных суждения об одной и той же реальности. Пусть этой реальностью будет... влечение, страсть.

Попробуйте определить – какие мотивы выступили причинами выделения каждым суждением особенной данности в этой реальности.

1. «Есть в человеке особое влечение к божеству, из чего и возникла религия, как и есть особенное влечение к познанию, создавшее науки, и особое влечение к подражанию, создавшее искусства» (В. Брюсов).

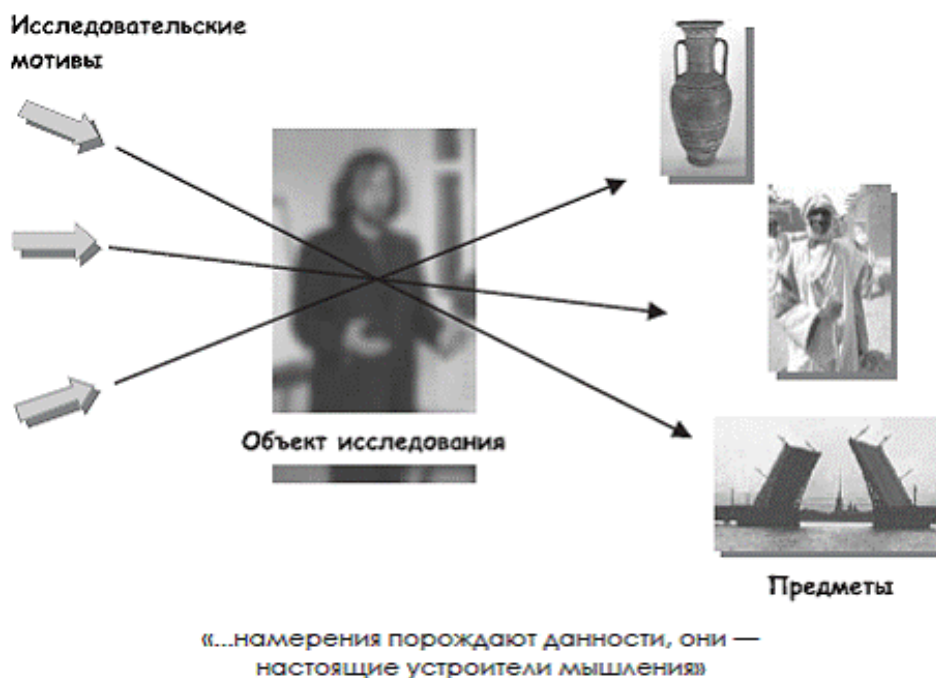
2. «Никакое влечение само по себе не может быть добрым, добрым оно бывает, лишь поскольку оно порождает добро. И нет на свете ничего более прекрасного, как влечение, направляемое разумом и совестью» (И. Гете).

3. «Есть таинственные радости; против них бунтуют, но бунт есть еще больший грех; нужно смиренно принимать все свои влечения, и чем утонченнее они, тем ближе к вечному» (А. Н. Толстой).

Нетрудно понять, что неявный мотив у В. Брюсова – это попытка объяснить влечением происхождение различных форм проявления активности сознания. У И. Гете – это желание дать нравственную оценку влечению. У А. Н. Толстого – это намерение оправдать природу отношения к влечению. Если это даже приблизительно так, то можно согласиться с тем, что здесь мы имеем дело с одним объектом мышления и тремя различными предметами, порожденными тремя совершенно разными, скажем так, исследовательскими мотивами. Вы согласны?

Наши исследовательские мотивы порождают особенные типы предметов мышления, типы данности, которая и улавливается интуициями. Теперь можно сказать и сильнее – намерения порождают данности, они – настоящие устроители мышления. Правы мудрецы: «Ничто на свете не может быть настоящим, кроме того, что заставляет наш разум работать».

прямое, буквальное (плотское. – А. Т.) толкование Писания в ряде случаев бессмысленно, он пишет: «Невозможным нужно считать и следующее евангельское предписание: если правый глаз будет соблазнять тебя, то его нужно вырвать. Если мы допустим, что это сказано о плотских очах, то как объяснить то, что вина соблазна относится к одному глазу, и именно к правому, хотя смотрят оба глаза?»

Теперь я спрошу – а как Вы догадались о тех трех авторских намерениях, породивших три различных суждения о «влечении»? То есть как следует осознавать мотивы? На что нужно обращать внимание, чтобы определить причину будущего облика предмета и быть уверенным в том, что мы имеем ту самую данность, которую «надо»?

Здесь можно лишь указать на три возможные «подсказки».

1. Уяснение исследовательской задачи. Концептуалисты чаще всего работают по каким-то заданиям: разработать концепцию миссии организации, понять действительный объект управления, установить сложившиеся отношения в команде, сконструировать концептуальный облик новой деятельности и др. Понятая исследовательская задача-верная половина успеха концептодеятельности.

2. Улавливание сигналов реальности, указывающих на то, как надо думать о явлении. В текстах это могут быть какие-то глаголы, причастия и прочие компоненты, указывающие на то, на какой позиции «стоит» их автор. При анализе социальных отношений, положим, в какой-то организации – это некие беспокойства, которые направляют мысль на поиск проблем и наводимых ими исследовательских намерений²¹.

Так, например, при симптомах перегрузки деятельности персонала – надо «пожелать» помыслить организацию как потоки ресурсов; при симптомах благополучия – как приближение к неудачам; при симптомах банкротства – как возможности для обновления и т. д.

3. Откровение с самим собой. Часто нужно просто понять самого себя в интеллектуальном поиске, понять – чего ты хочешь? Трудности здесь особенно серьезные. Хорошо об этом писал Луначарский. Его мысль была выражена примерно так: человек врёт себе часто, а русский человек – так особенно часто. Во-первых, он говорит не то, что думает. Во-вторых, думает не то, что чувствует. И в результате попадает, так сказать, в «ложь в квадрате».

²¹ Поскольку в концептуальной практике такого рода поводов к выделению предметных областей случается очень много, то стоит потренироваться в этом – см. Упражнение 2.

Эта трудность уже подмечена в менеджменте, там, где должна осуществляться подлинно концептуальная работа – при разработке стратегии развития организации. Если работу над замыслом и обликом стратегии осуществляет человек, не выделивший наглядным образом свои неявные цели или неявные цели своих коллег относительно стратегического планирования, то стратегия никогда не будет удовлетворительной. В качестве скрытых целей обычно выступают такие, как желание в ходе стратегического процесса поуправлять отношениями с общественностью (акционерами), желание интегрировать системы контроля в одних «руках», желание симитировать активность, провести групповую терапию и пр. И нужны решительные усилия для того, чтобы признаться себе в действительных намерениях своего исследовательского поиска.

Эстетика первого шага

Эстетическое восприятие явлений мира не является родом познания, не стоит в одной линии с ним. Это всегда только попытка найти повод для Радости. Эстетически настроенное сознание участвует в своей игре без дробящей рефлексии. И все же эстетика предназначена только для философски настроенного ума, поскольку, например, художник ничего не говорит про эстетику, не замечает ее – он просто творит в соответствии с нею. А поскольку философ свободнее, то через открытие прекрасного он все же надеется познать бытие и увеличить его объем в себе.

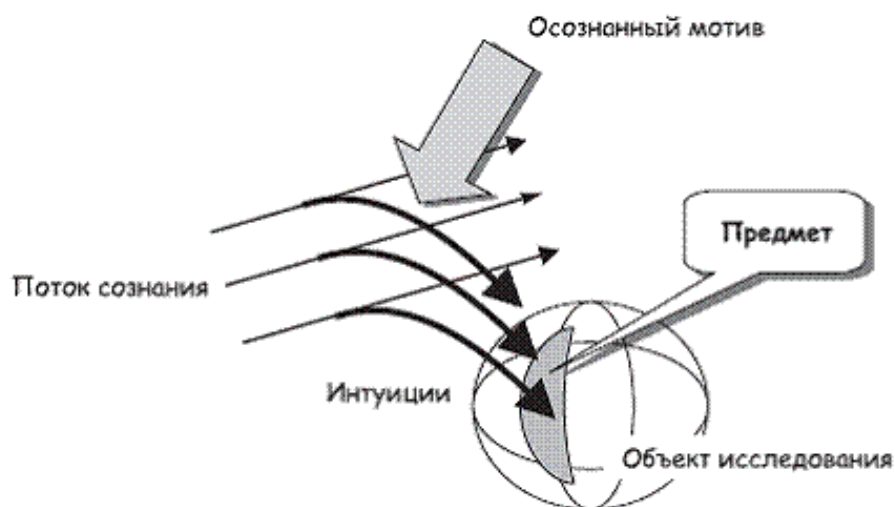
Здесь главный вопрос для нас таков – как же красиво начать процесс концептодеятельности? Или, строже, как концептуалисты профессионально обретают данность в виде предмета или предметной области? Профессионально – это всегда красиво. Суммируем по порядку.

Первое – данность возникает благодаря доверию интуициям, которые сознательно управляются нами, нашими исследовательскими намерениями. Без этого нащупывания явлений, без попыток осознания мотивов, управляющих содержанием наших мыслей и движением потока нашего сознания, акт концептуального мышления невозможен. Размытость, незавершенность исходных представлений, с которыми имеет дело аналитик концептуального уровня, побуждает его быть очень внимательным ко всякому движению в своей душе.

В Волгоградском техническом университете на кафедре «Концептуального проектирования технических систем» работает профессор Бутенко Людмила Николаевна. Как-то при встрече она сказала примерно так: «Почему я этим занимаюсь (не важно, о чем здесь шла речь)? Вопрос, конечно интересный... Понимаете, есть, конечно же, кафедральные направления, НИР и все прочее, но есть такое слово, которому я в последнее время доверяю все больше и больше – это „вкус“. Понимаете, „вкус“?! Просто мне очень хочется думать об этом так!» Вот это «очень хочется» тоже мотив, и довольно сильный. Только его сладостное влияние на ход мыслей непременно необходимо осознавать, чтобы понимать историю возникновения данности.

Этим примером мне хочется еще раз подчеркнуть то, что любая создаваемая нами реальность в виде данности подчиняется некоторому *трансцендентальному условию*. Любой единичный опыт наблюдения, любая встреча с некоей реальностью сами по себе, без этого выходящего за пределы опыта условия, не содержат всего того, что мы извлекаем из него. Это глубоко и детально показано Кантом и еще раньше – Лейбницем.

Благодаря осознанному исследовательскому намерению в мышлении конкретного объекта выделяется особенная грань, которую называют *предметом* или, в случаях сложных предметов – предметной областью.

«Механизм» возникновения предметов мышления

Это и есть данность, с которой дальше работает мышление. Отношение между объектом исследования и предметом таково: предмет есть объект, «рассмотренный» с некоторой «точки зрения», или помысленный при некотором осознанном взгляде. Здесь часто говорят так: «взятый в некотором аспекте». И поскольку мотивов или взглядов на любой объект или точек зрения на объект может быть бесчисленное множество, то и предметов может быть сколько нам угодно. Умение порождать точки зрения на один и тот же объект и получать благодаря этому новые данности – для концептуалиста одно из наиболее важных и... красивых.

ПОПРОБУЙТЕ. Попробуйте выполнить небольшое упражнение по порождению данностей, чтобы почувствовать эту работу мышления.

Ответьте себе на такой вопрос: каковы данности или, строго говоря, предметы такой простой «вещи», как, например, чай, помысленный со следующих точек зрения:

- Чай как объект искусства;
- Чай как напиток;
- Чай как идеал;
- Чай как куст;
- Чай как подарок;
- Чай как символ;
- Чай как традиция;
- Чай как процедура;
- Чай как философия;
- Чай как принадлежность романтического времяпровождения;
- Чай как характеристика самовыражения;
- Чай как безупречная чистота;
- Чай как ритуал;
- Чай как церемония;
- Чай как вдохновение для поэтов;
- Чай как угощение;

Чай как товар;
Чай как семена;
Чай как религия;
Чай как воплощение восточной философии;
Чай как этика;
Чай как эстетика.

Это не все точки зрения на чай, а только те, которые я нашел на тридцати страницах «Книги чая» Окакуры²². Не стану давать описания всех тех предметов, которые образуются благодаря такому взглядыванию на чай, но от одного описания воздержаться не могу. Его сделал китайский поэт Лотунг династии Тан (618–907 гг.). Это чай как напиток: «Первая чашка смачивает мои пересохшие губы и горло, вторая чашка разрушает мое одиночество, третья проникает в меня до самых глубин души моей. Четвертая чашка заставляет меня потеть – все превратности жизни, все ненужное и недоброе уходит через поры вместе с потом. Пятая чашка очищает, шестая заставляет задуматься о бессмертии. Седьмая чашка... Но я же не могу столько выпить! Я чувствую только пронзающее дыхание холодного ветра, который пробирается под мои одежды».

Второе – точки зрения на события реальности должны быть осознаны и зафиксированы уже на первом шаге концептодеятельности. Это очень важное правило, поскольку встреча с реальностью всегда происходит аспектно, как мы говорили, в «рамках». Мы никогда не сможем когда-нибудь однажды «взять» весь объект исследования целиком и полностью со всеми его гранями, свойствами, признаками. Все, на что мы подлинно способны, – это овладеть некоторыми его предметами или предметной областью... И все! В этом сознании границ постижения реальности – ключ не только к чистоте работы с предметами мышления, как с различными данностями, но и к развитию мышления и сознания, о котором будем говорить специально. Красота здесь прячется в способности удерживать тонкую связь между выбранной позицией рассмотрения явлений и открывающейся уму панорамой «отрезка» реальности.

Третье – сложившиеся представления о «вещах» при концептуальной работе должны быть разрушены – они не имеют никакого значения для нее. Секира, роза, бриллиант, недвижимость и прочее, с чем могут быть прочно связаны некие устойчивые понятия, таковы лишь в каких-то отношениях. «Взятые» в новых исследовательских намерениях, в особенных контекстах, в отношениях с новыми «вещами», они могут приобрести совершенно иное значение: секира – значение куска ржавеющего железа, роза – средство заработка, недвижимость – значение проблемы в наследственных тяжбах и т. д. Признание относительности реальности, с которой мы имеем дело, – знак не только философии, но инструмент техники мышления.

Разрушение сложившихся представлений о «вещах» – это момент расставания с наивным детским мышлением, когда объяснение любого предмета начинается почти всегда одинаково: «Ну, это для того, чтобы...» Это момент расставания с выструганным, словно дощечка, мышлением школьника, в котором каждому предмету дано одно «правильное» определение. Это момент избавления от спрессованного мышления вузовского преподавателя, читающего три десятилетия один и тот же курс и непоколебимо убежденного в полноте формулировок, которые повторяются им наизусть. Но это момент возвращения к свободному, творческому детскому мышлению, при котором каждая вещь в зависимости от ситуации может приобрести любой вид: то вид корабля, то молотка, то телефона. Тотальное при-

²² Окакура К. Книга чая. – Мн.: Харвест, 2002. – 96 с.

знание относительности всего на свете и необходимости установления точных отношений – это условие успеха мышления.

ПОПРОБУЙТЕ. 1. Что такое однокашник, которого Вы взяли на работу к себе в компанию? 2. Что такое менеджер среднего звена в компании? 3. Что такое Макдоналдс? 4. Что такое меланхолия? 5. А «четкая структуризация деятельности»? 6. А «развитие»?

Не уверен, что Вам понравятся мои ответы на эти вопросы, но в контексте нашего разговора они точны: (1) серьезный балласт в период организационных перемен; (2) человек, обладающий властью не подписывать что-либо (согласен с Т. Питерсом); (3) всемирная сеть теплых туалетов; (4) получение удовольствия от трусости (по Гюго); (5) бессилие в ситуации, когда что-то пошло не так; (6) управленческий соблазн. Вы станете опровергать эти определения?

Всякий может усмотреть здесь красоту в легкости, с которой мышление может отказываться от любого полюбившегося взгляда на «вещи».

Четвертое – вслед за проникновением в существо событий и явлений, вслед за изменением наших исследовательских намерений изменяется и предмет нашего мышления. Ради сохранения чистоты мыслительных процедур необходимо помнить об этом эффекте – об эффекте *«дрейфа предмета мышления»* по мере уточнения и корректировки исследовательской задачи. Моменты, когда в исследовании «народ становится толпой», или когда поощрение начинает выступать в роли наказания, или когда поиск смысла подменяется соблюдением строгости правил поиска – все эти и подобные моменты концептуалист не должен упускать из виду, сдерживая не только своих «коней» – исследовательские интуиции, но и их наездников – свои намерения, перепроверя себя по ходу мыслительного акта, как бы спрашивая: я по-прежнему думаю о том же самом, о чем начинал, или пора объявить о новом предмете? Вы не находите красоты в этих метаморфозах? А в способности замечать их?

Пятое – как объектами мышления может быть все, так и данностью может быть все. Идеи – тоже данность. Представления, психические образы – тоже данность! Одна данность от другой отличается не только содержанием. Но они различаются и формами, в которых, собственно, и даны нам. В концептуальной практике говорят о различных *формах задания предметов и предметной области (ФЗПО)*, с которой работает концептуалист. Можно говорить о том, что это некие особенные упаковки еще расплывчатых содержаний предметов мышления. Классификация всех таких форм задания предметной области, наверное, интересна, но не очень конструктивна. Однако с каждой формой могут быть связаны особенные линии концептуализации смыслов. По мере сил испытаем наиболее яркие из них.

Так, например, материальный мир может «даваться» нам в форме наблюдаемых вещей, или в форме показаний приборов, или в форме ощущений, или как-то иначе. Наверное, мир идей дается в форме образов, представлений, терминов и др. Мир социальный – в форме переживаний, служебных записок, обыденных рассказов, интервью и пр. Мир знаков – это тексты. Когда мы видим человека с пустым ведром, то это знак, выступающий в виде текста примерно такого содержания: «Готовься, могут быть неприятности!» Если человек купается в реке после Ильина дня (20 июля), стало быть, текст такой: «Вряд ли это человек порядочный». А уж если кто купается после Ивана постного (29 августа), то и вовсе так: «Это непременно грешник и сорванец!»

Поучительный и забавный пример предметной области на протяжении нескольких занятий разбирал наставник многих концептуалистов Виктор

Солнцев. Предметная область была такова: «Зять идет к теще на блины». Одна строчка – такова форма задания предметной области. И здесь нужен особенный дар и особенные техники, чтобы по одной строчке развернуть и концептуально сконструировать мир, который так скупо, но весьма содержательно представляется нам в русских приговорах.

Посмею предположить, что первый шаг концептуального акта, шаг «встречи» с данностью состоится для Вас теперь чуть надежнее и увлекательнее прежнего. Теперь можно говорить о втором.

А что надо для решений?

Все, что не зависит от выбора, не является злом и не должно волновать ясность души.

Пьер Адо²³

Согласитесь: «Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя... Автор не должен интерпретировать свое произведение. Либо он не должен был писать роман, который по определению – машина-генератор интерпретаций. Этой установке, однако, противоречит тот факт, что роману требуется заглавие. Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации... Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их... Автору следовало бы умереть, закончив книгу. Чтобы не становиться на пути текста»²⁴.

Это говорит Умберто Эко – высокий мастер художественного слова, всемирно известный автор многослойного в смысловом отношении романа «Имя розы», ставшего бестселлером благодаря осознанному, изысканному решению относительно способа построения текста. И в этом его утверждении стоит существо гуманитарной культуры – «текст, который перед нами, у каждого из нас должен порождать собственные смыслы».

Прямо противоположную работу совершает концептуальное мышление в своей активной фазе – оно пытается конструктивно истолковать тот единственный смысл, который мы находим в выбранной нами данности.

Ожидаю возмущение – «единственный смысл»... возможно ли такое? В практике концептуального проектирования решений дело обстоит именно так. Ведь там, на выходе из концептуального лабиринта сложностей, неопределенностей, двусмысленностей реальности, нас ожидают с решениями, а не с новыми вопросами и прочтениями ситуаций. Это означает, что из всего разнообразия смыслов, которыми, и вправду, можно наслаждаться и расширять границы собственного мира, нам все же предстоит выбрать один. Для решений нам надо научиться отказываться от игры смыслов. Но при этом можно находить удовольствие совсем в другой игре...

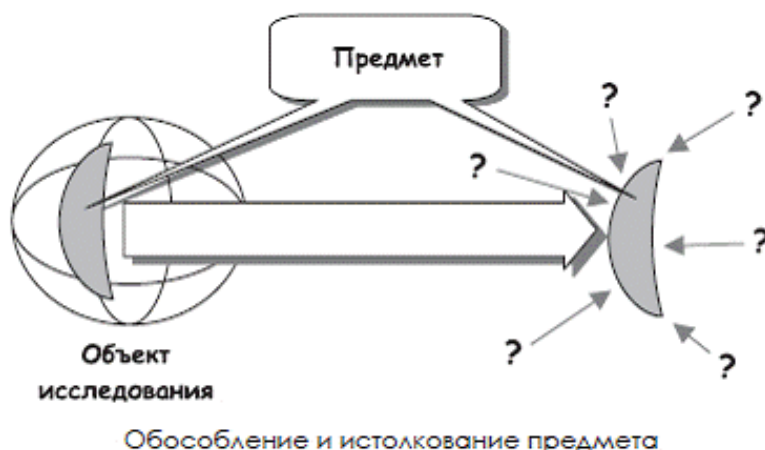
Играть не в смыслы, а в контексты

Любая данность, понимаемая нами теперь как «треугольник», – весьма неуклюжая конструкция для последующей мыслительной работы. Все, что от нее необходимо, это *предмет (предметная область)*. Именно он является рабочим материалом для мышления после его извлечения из «треугольника».

Двигаясь к конструктивному пониманию ситуаций, по отношению к этому рабочему материалу мы задаем ряд вопросов. Например, в чем его существо? что в нем главное, а чем можно пренебречь? каким должен быть уровень глубины проникновения в него? каким должен быть уровень конкретности наших представлений о нем? и другие, что требуются для концептуальной работы. Подобные вопросы можно свести к одному – как мы будем это понимать? Или иначе, в более емком значении – каков его смысл?

²³ Адо Пьер. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с франц. Б. А. Воробьева. – М.: СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; ИД «КОЛО», 2005. – С. 233.

²⁴ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 92 с.

В этом поиске состоит суть истолкования – усмотрение и прояснение смысла выбранной предметной области. Разумеется, где речь идет об отыскании смысла, там речь идет о понимании и, следовательно, об интерпретации... в смысле П. Рикёра: «Интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значений, стоящих за буквальным значением»²⁵.

Заметим, что здесь говорится об уровнях (!) значений. Действительно, если, например, попытаться раскрыть смыслы предмета, который уже возникал у нас – «чай как эстетика», то наверняка их появится множество. Но в актах концептуального мышления мы всегда говорим о единственном смысле. Что же дает нам основание настаивать на этом? Простой ответ таков – стремление к конструктивности, и больше ничего.

Это надо понимать так: вместо полифонии значений ищется точный и уместный смысл; вместо ускользающего горизонта смыслов – твердо очерченная граница; вместо сладкого для наивной философии многоголосья толкований – строгий концепт; вместо размытого в слабосвязанных суждениях облика так или иначе понимаемого предмета – строгая теория со счетным количеством следствий. Иными словами, мы должны остановить игру смыслов, чтобы двигаться к каким-то решениям, а не просто наслаждаться смысловым разнообразием. И все это не ради математической красоты и эстетики аксиоматического метода, а ради глубокого погружения в данность.

Глубина концептуальных решений достигается новым внимательным обращением к контексту мышления предмета и игрой не со смыслами, а с контекстами.

Обратимся еще раз к чайной истории. Оказывается, она вполне отчетливо разделяется на три эпохи: чайная эпоха китайской династии Тан (618–907) – эпоха «вываренного чая» (контекст 1); чайная эпоха династии Сунн (960–1279) – эпоха «взбитого чая» (контекст 2); чайная эпоха династии Мин (1386–1644) – эпоха «крепкого чая» (контекст 3). Согласитесь, что для этих различных контекстов смысл предмета «чай как эстетика» непременно различен. Как пишет Окакура: «Если бы мы могли перенести классическую терминологию, которая во все времена присутствовала в искусстве, мы могли бы соответственно охарактеризовать эти три типа напитка как

²⁵ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., Медиум, 1992-С 18.

классический, романтический и натуралистический»²⁶. Соответственно и чайная красота в эти периоды должна была иметь и имела разные смыслы.

Очевидно, что в этом примере каждой чайной эпохе, каждому новому контексту может быть сопоставлен свой смысл эстетики чая. Помимо чайных эпох можно найти и другие условия для возникновения новых смыслов чайной красоты. Но для каждого из этих трех контекстов (1, 2, 3), для каждого такого вполне определенно понимаемого условия смысл всегда один. На извлечение его и нацелены техники концептуального мышления. Как это происходит? Это станет понятно после того, как мы определимся с самим понятием «смысл».

Однако здесь уместно спросить: жива ли душа у концептуалистов? Если Вас это беспокоит не сильно, то можно пролистнуть несколько страниц, переходя к практическим рецептам по извлечению смыслов в размытых предметных областях.

Жива ли душа у концептуалистов?

Вопрос этот не случаен. В этом пункте, в диалогах о смыслах соединяются линии многих противоречий о концептах и концептуальных техниках. Речь идет об интеллектуальной борьбе за утверждение особенного понимания концепта и, соответственно, концептуальных технологий, которую можно наблюдать в философской риторике²⁷. Существо этой полемики состоит в противопоставлении концепта как логической категории (концепт как содержание термина, как понятие) и концепта как семантической категории (концепт как «схваченный» мыслителем смысл речи). Речь идет о борьбе «логиков» и «смысловиков». В этой борьбе можно узнать давнюю тяжбу между «технарями» и «гуманитариями».

С точки зрения «смысловиков», взгляд «логиков» чрезмерно прост и наивен. Он сводится к приписыванию концептам неких универсальных существенных отличительных признаков «вещей», которыми они якобы обладают «от природы». Логик здесь уподобляется школьнику, который на вопрос учителя «что такое, например, ньютон?» должен без запинки и без задней мысли ответить: «ньютон – это единица силы в Международной системе единиц, равная силе, сообщаемой телу массой 1 килограмм ускорение 1 м/с²». Без задней мысли – это без намека на попытку помыслить «ньютон» как-то иначе, например, как огромную эпоху в физике, как символ классического мировоззрения на естественный мир, как некоего Исаака – гениального англичанина XVII–XVIII веков или хотя бы как московское PR-агентство «Ньютон» – оператора российского рынка средств насильственного воздействия на общественное сознание. В противоположность этой позиции «смысловой» взгляд на концепты приписывает им принципиально коммуникативную и одушевленную природу с целью вернуть им связь со смыслами, которую они в логической ипостаси якобы не имеют. Это взгляд, обращенный именно на те самые «задние мысли», которые возникают в душах участников коммуникативного дискурса и могут принести им многие новые смыслы одних и тех же явлений сознания. Концепт здесь – «состоявшаяся речь», плод душевно-интеллектуального процесса, плод осознанного понимания речи²⁸.

Почему концепт здесь непременно душевное событие? Потому что, как известно, смыслы целиком не извлекаются из слов дискуссии, а зависят от интонаций, поведения, намеков участников дискуссии, от многих психических явлений, сопровождающих речевые акты. Словом, противопоставление здесь серьезно.

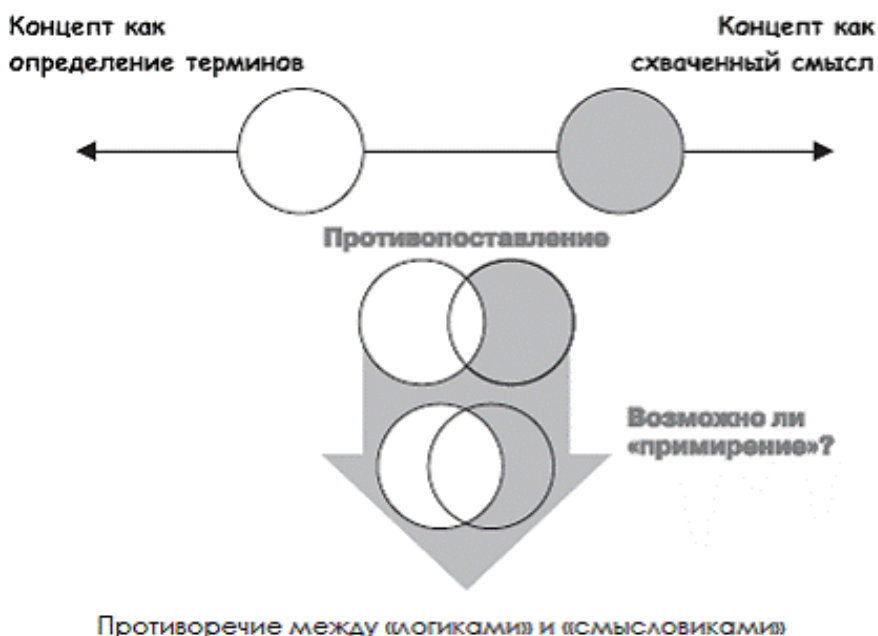
²⁶ Окакура К Книга чая. – Мн.: Харвест, 2002. – С. 18.

²⁷ См., напр., тему 1. Концепты в кн. Теоретическая культурология (Серия «Энциклопедия культурологии»). – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

²⁸ Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 74.

Однако есть ли возможность для примирения позиций? Или спросим иначе: разве концептуальное мышление, о котором мы заботимся здесь, совершает не ту же самую работу по извлечению смыслов из данностей, что и душа участников дискуссии? И в этой связи: жива ли душа у концептуалистов, часто в молчании, без дискурса, совершающих таинство смыслоизвлечения?

Проясним это для себя через обращение к смыслу смысла.

Смысл смысла

В гуманитарной риторике смыслу придается статус «вещи в себе». Здесь смысл – это такое нечто, которое принципиально связано только с речью, с языком, с дискурсом. Это некий невыразимый до конца результат понимания речи, коммуникативного события, в котором непременно участвуют разные сознания. При таком взгляде получается, что акт молчаливого одинокого исследования к смыслу не приводит – к нему приводит только дискурс. Но чем отличается ситуация исследовательского познания чего бы то ни было от дискурса? Здесь так же есть преграда, есть вопрошание, есть «разночтение» исследователя, есть дружеское противостояние Я и Другого...

Второе существенное замечание гуманитариев относительно смысла таково: смысл противостоит значению. Здесь смысл – это нечто глубинное, объемное, а значение – нечто конкретное, узкое, сиюминутное, это частный случай, который при нужде можно вывести из смысла. Значение – это то в некоем познавательном событии, что узкоценно для конкретного понимания – участника дискурса. Это якобы нечто единичное, выбранное по какому-то сознаваемому или, чаще всего, неосознанному правилу из смысла-объема. Считается, что «придание слову значения есть первый подступ к познанию, но не само познание, которое связано с внутренним постижением, то есть с самим Богом»²⁹. Иными словами: смысл – это не значение. Но что это?

Вот несколько тезисов о смысле в современной гуманитарной риторике:

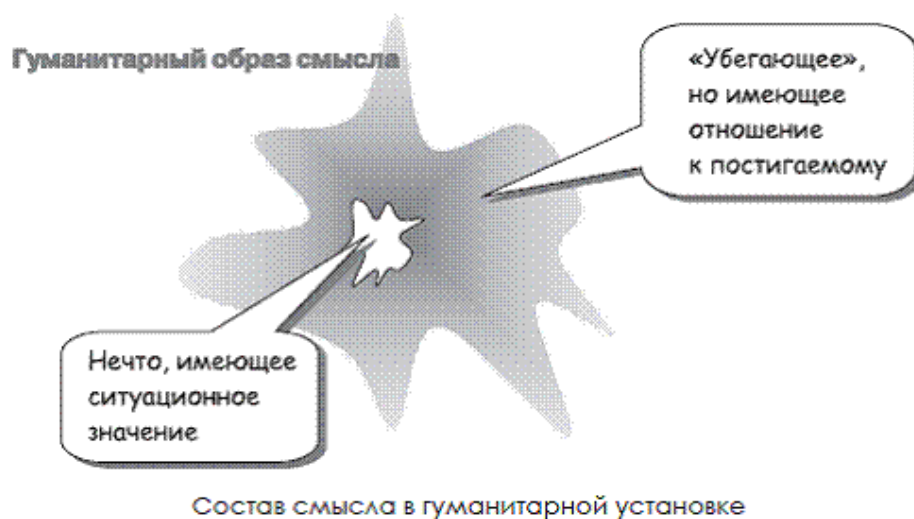
²⁹ Теоретическая культурология (Серия «Энциклопедия культурологии»). – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 230 с.

- это событие (!) восприятия речи (!), отделенное от языка, поскольку речь это не только язык, но и ритмика, интонации, жестикация и пр.;
- это то идеальное содержание явления, которое адресовано пониманию каждого человека, но не совпадает с ним, это лишь приближение к идеальному содержанию;
- это та грань события, которая связывается в сознании мыслителя с его различениями и приобретает для него конкретное значение, но к нему не сводится;
- это то содержание явления, речи, которое имеет характер целостности для мыслителя, это некий «ментальный узел»³⁰;
- это результат интуитивного акта, лишь выражаемый в ходе концептирования, но появляющийся раньше;
- это понятие («схваченное») единство замысла Творца и его осуществление в творении (по Абельяру – «концепт в душе слушателя»);
- это то, что «бывает усвоено, когда понято имя, так, что возможно понимать его смысл, ничего не зная о *денотате* (об обозначаемом)»³¹;
- это то, что рождается, но не существует у «вещи» в готовом виде.

Обобщая различия современного гуманитарного взгляда на смысл, его должно понимать как «то, что содержит мысль, противостоит абсурду, обладает содержанием, возникает в акте номинации (означивания) и представляется в концептах и специфических высказываниях, функционирует в межличностном в диалоге, существует в душевно-мыслительном пространстве и зависит от ситуации и контекста употребления высказывания»³².

Вы сами можете оценить конструктивную глубину этого утверждения. Скажу пока только то, что с таким определением смысла ничего нельзя делать. Оно закрепляет смысл как нечто потенциально значимое, но лишь временно возникающее в нем душевно-ментальном пространстве в ходе диалога. За порогом диалога «такие» смыслы умирают. Умирают они и в момент установления своего конкретного значения. При попытке точно ответить на вопрос «что Вы имеете в виду?» должно происходить уничтожение смысла – здесь он должен превратиться в окаменелое значение.

Этот гуманитарный образ смысла можно уподобить некоему подвижному облаку идей.

³⁰ Там же. С. 255

³¹ Там же. С. 259.

³² Теоретическая культурология (Серия «Энциклопедия культурологии»). – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – С. 575.

В этом «облаке» есть две части. Во-первых, это нечто ситуационное, нечто значимое здесь и сейчас, значимое для конкретной ситуации или конкретного контекста. Во-вторых, в этом «облаке» есть некое убегающее разнообразие значений, разнообразие «немодифицированных объективностей», потенциально имеющих отношение к постигаемому, но не проговоренных, не выделенных сознанием, а только признаваемых им. Этот смысл смысла явно или неявно присутствует во всех диалогах гуманитариев.

Однажды мне довелось присутствовать на занятии студенческой группы в РГГУ³³. Это был семинар, посвященный культуре жанра личных дневников. Студенты вместе с преподавателем обсуждали личные дневники Марины Цветаевой. Каждый студент представил свое собственное отношение к этим дневникам и свою собственную версию их смысла. Разговор разворачивался в стиле дополнений: а еще... а еще... а еще... Занятие приближалось к концу, и, подытоживая, преподаватель сказал примерно так: «А еще в этих дневниках можно усмотреть и то, что...» Занятие завершилось... Я недоумевал – и что? Мой коллега преподаватель совершенно искренне ответил: «Ну и все! Все состоялось!» И правда, для гуманитариев все состоялось – появилось поле смыслов, в котором каждый мог для себя взять то, что ему душевно близко. Я недоумевал...

В концептуальных техниках дело обстоит совершенно иначе. Смысл «вещей» и явлений здесь всегда добывается как единственное и конкретное содержательное значение, которое приобретает явление в конкретной *познавательной ситуации*. Этот смысл должен точно выражаться в концептах. Именно это и позволяет дальше «работать» с ним как с неким генератором идей, которые он способен породить при своей развертке – конкретизации. В этом и состоит конструктивность концептуального мышления – ясно создаваемый и строго очерченный смысл позволяет объяснять не только само явление, но и все его оттенки.

Нельзя не признать существование бесконечного горизонта смыслов-значений, которыми обладает любая «вещь». И чем сложнее «вещь», тем горизонт этот шире. Но то, что должно быть «схвачено» сознанием концептуалиста здесь и сейчас, имеет хотя и разнообразное, но вполне конкретное значение.

В сопоставлении противоречия двух взглядов могут быть представлены так.

³³ Российский государственный гуманитарный университет.

Гуманитарный взгляд	Концептуальный взгляд
Смысл — то, что существует в душевно-мыслительном пространстве и появляется лишь в диалоге, зависит от ситуации и контекста употребления высказываний	Смысл — значение, которое приобретает явление в конкретной когнитивной ситуации и выражается в концептах как в содержании понятий
Главное — в убегающем горизонте значений, в разнообразии, которое возможно	Главное — в точно определяемом значении содержания явления
Смысл — это полифония	Смысл — это конкретная концептуальная структура
Смысл невыразим	Существуют разнообразные формы для смыслов
Концепт — это идея смысла и коммуникативного языкового события, а не референции	Концепт — теория предмета
Концепт — это событие удержания текущего разнообразия смыслов, а не логическое понятие	Концепт — логическая категория, выражающая совокупность существенных отличительных признаков объекта
Понятие (в отличие от концепта) — остановленное разнообразие смыслов, превращенное в окаменелую объективную универсальность	Концепт — ситуационно значимое (когнитивно значимое) выражение конкретного смысла-значения из потенциального пространства смыслов

Несмотря на все полученные различия, все же будет полезно еще раз обратиться к гуманитарной традиции. Сделаем это с такой исследовательской гипотезой: именно в глубине гуманитарного знания о том, как происходит образование смыслов, и содержится существенное уточнение и их самих, и роли концептов в их порождении. За этой гипотезой Вы можете легко угадать мое сомнение — то, что говорят о смыслах и концептах современники, возрождающие средневековый концептуализм, не вполне отражает созревшую гуманитарную традицию.

Условие смыслорождения в концептуальной практике

Мы говорим о том, КАК происходит схватывание смысла в сложных, неопределенных, размытых предметных областях. Нам нужно разобраться в этом для того, чтобы в ходе принятия каких-то концептуальных решений методично выделять в них существенное, создавать и удерживать ясную линию умопостроений, ведущую к пониманию важных для нас ситуаций.

Вот некоторые примеры реальных задач концептуального проектирования решений, в которых для интеллектуального толчка нужно было понять существо дела, то есть схватить смысл: что для нас важно в сценарии развития отрасли, который мы могли бы использовать для разработки стратегии компании? Как способствовать устойчивому развитию

государства в новых экономических условиях? Каким должен быть облик договорного пространства в отношениях двух крупных компаний? Чем должна отличаться система управления знаниями в нашей компании? Каким должно быть содержательное «устройство» конкурентоспособной MBA-программы уровня Executive для HR-ов? Что нужно учесть для принятия решения о реструктуризации отрасли? Согласитесь, чтобы начать продвигаться к решениям в этих задачах, стоит понять существо предметных областей, которые за ними стоят! Возможны ли в этих случаях хотя бы какие-то рекомендации?

Если попытаться собрать и выстроить в ряд ключевые идеи о смыслообразовании, которые порождены в недрах философии, филологии, семасиологии, герменевтики и других дисциплин гуманитарного знания, то станет понятным, что и здесь... «все уже было!».

Так, в герменевтике уже состоялась и конструктивно завершилась дискуссия о множественности смыслов, которые можно найти в любом знаке, слове, явлении. Сущностное (не техническое) преодоление этой множественности происходит тогда, когда искатель смысла находит в себе силы остановить поток возможностей, поток возможных взглядов, точек зрения, подходов к явлению, осознав конкретное бытие, а не бытие вообще. Скажем так: понимающее бытие – это бытие «здесь и сейчас». И то, что мы пытаемся увидеть как смысл, то, что выступает для нас как объективное, всегда обусловлено обстоятельствами, по отношению к которым нам непременно необходимо сделать выбор до начала акта понимания или вместе с ним.

Идея понимания как «заклучения мира в скобки», которая восходит, наверное, к Декарту, за пять веков уже разнообразно отразилась в умах искателей смыслов. Воспользуясь здесь образом П. Рикёра – «...до объективности существует горизонт мира; до субъекта теории познания существует действительная жизнь... субъект, который располагает объектами, сам является производным от действительной жизни»³⁴. Это означает, что для понимания какого-либо фрагмента действительности необходимо не растворение в потенциальном и потому бесконечном разнообразии обстоятельств, влияющих на наше возможное истолкование его. Здесь необходимо непременно выделение и удержание предмета мышления в ключевых полях, обуславливающих смысл: в поле действительной жизни, в поле актуальной для конкретного мыслителя жизни, в поле собственных задач познания, возможно, в каких-то других полях, задающих миру горизонт.

На это же, то есть на многократное и разнообразное обращение к контексту как к условию возникновения смысла указывали в разные времена Флаций и Шлейермахер³⁵. Совершенно определенно это выражает Куайн – смысл схватывается только в рамках системы, теории, но не может быть извлечен из суждения³⁶. Уже давно известно, что логика постижения смысла напрямую связана с целью постижения, с целым, которое при этом принимается во внимание (Флаций, Прантль). К смыслу приводит обращение к различным уровням понимания (например, историческому, грамматическому, духовному и др.), которые должны быть вскрыты до начала понимания (Аст, Бек). При постижении смыслов необходимо исследовать обстоятельства происхождения слов и взглядов (Шпет). Итак, сознательное, управление границами мира – это **первое условие «схватывания» смысла**.

Второе связано с **опорой на природу понятий**. Понятия – это еще один источник опыта и смысла в дополнение к чувственной и идеальной интуициям, о которых мы уже говорили. В понятиях, так или иначе, выражаются наши чувственные и идеальные представ-

³⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М: Медиум, 1992. – С. 12.

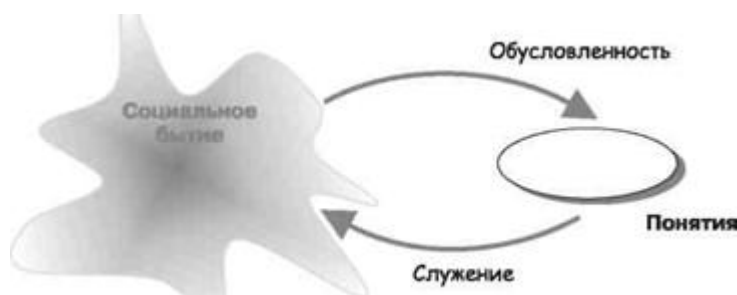
³⁵ Шлейермахер Ф. Герменевтика / Перевод с нем. А. Л. Вольского. – СПб.: Европейский дом, 2004. – 242 с.

³⁶ Куайн У. В. О. Слово и объект. – М., 2000.

ления, наши различительные способности, наш наличный уровень интеллектуальной, культурной и духовной зрелости и глупости.

Скажем, современное содержание понятия такой предметной области, как «управление знаниями», закономерно выросло только в последние годы – оно не появилось бы ни во времена Бозция, ни во времена Шлейермахера или даже Байрона. Только теперь созрели социальные предпосылки для становления этого и многих других понятий в этой странной управленческой отрасли.

Иными словами, концепт – феномен исторический и социальный. Но «социальный» не в том смысле, что родина концептов это непременно дискуссия между homo sapiens – кто ж тут поспорит? А в том смысле, что они (понятия), с одной стороны, обусловлены социальной средой, а с другой стороны, служат ей.

Связь понятий с социальной практикой

Мы передаем их друг другу для использования, с их помощью понимаем и преобразуем реальность. Они есть социальная форма постижения бытия и в первую очередь – социального бытия.

Согласитесь, все это выводит вопрос об образовании смыслов из поля полумистического душевно-интеллектуального пространства дискурса в область понятий, а следовательно, в область логики, языка, слова. Схватывание смысла происходит через его логическое, его понятийное нащупывание.

Вы держите «линию рассуждений»? Пока еще речь не идет об упорядочивании, ограничении и оттачивании смыслов логическими средствами?! Логизация смысла, его логическое оформление – это особенная деятельность, которая лежит, наверное, уже за пределами «схватывания». Пока мы вслед за философами говорим лишь об особенной, понятийной (концептуальной) природе этого «схватывания».

Пожалуй, **третье условие смыслообразования** – это выполнение мышлением особенной работы с содержанием наших интуиции – с их уяснением, уточнением, отбором... Оказывается, разум может усматривать смысл так же непосредственно, как непосредственно воспринимаются чувственные вещи.

Дело в том, что существенные детали данности «усматриваются нами не путем процесса умозаключения, а путем такой же непосредственной интуиции, как и то, что усматривается опытной интуицией»³⁷. Развивая вслед за Э. Гуссерлем феноменологическую установку на смыслообразование, Г. Шпет пишет: «Смысл следует брать точно так, как он „имманентно“ лежит в переживании восприятия, суждения, удовольствия и т. д., то есть так, как

³⁷ Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – С. 77.

он нам дается переживанием, если мы обращаемся с чистым вопросом к самому этому переживанию, – „чистым“, то есть в феноменологической установке, по выключении всего реального»³⁸. «Метод, при котором мы обращаемся к непосредственному „смотрению“ на вещь, дает нам неоценимое преимущество, состоящее в том, что, имеем ли мы дело с эмпирической интуицией или идеальной, с явлением или с сущностью, – все равно мы обращаемся к „самому делу“, а не стоим перед понятиями, определениями, суждениями, выводами»³⁹.

Согласно этому обстоятельству, понятия появляются уже после того, как наш разум как-то нерассуждающе «посмотрел» на мир. Это демонстрирует нам работа художника – сначала как-то нерассуждающе, по правилу «нравится/не нравится» им «схватывается» идея, картина, теория, а уж потом она становится предметом анализа и почти никогда не наоборот. Я не ошибся, употребив здесь термин «теория» – изначально это слово (греч. *theoria*) означало не столько «исследование», сколько «картину». Прежде чем что-то исследовать, его надо было увидеть...

Прежде чем что-то исследовать, его надо увидеть...

Однако работа мышления, которая происходит при смыслообразовании, связана не столько с «непосредственным смотрением» на явления, сколько с осознанием интуиции, с их отбором, с детальным углублением в их содержание, с уяснением связей между теми различиями, которые приносят нам интуиции.

Иными словами, эта особенная смыслоорождающая работа мышления, о которой мы говорим как о «схватывании», на самом деле подобна приготовлению «блюда из мелкой

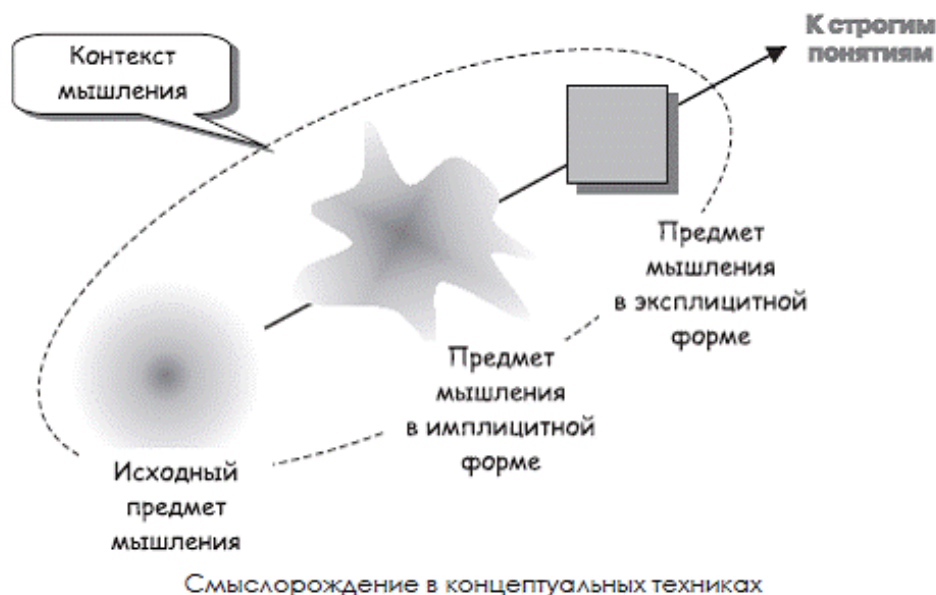
³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ Там же. С. 94.

рыбью. В эти моменты наше сознание трудится в пограничных областях между наглядным – ненаглядным, ясным – туманным, расплывчатым – резким, близким – далеким, подразумеваемым – очевидным и т. д. Результатом такой работы является так или иначе понятое явление, так или иначе возникшее содержание мысли о нем, в котором ясно ли – туманно ли, но удерживаются его существенные различия. Теперь можно сказать, что эти различия «существенные» для тех «скобок», для тех границ мира, для той *когнитивной ситуации*, в которой происходило сознание смысла.

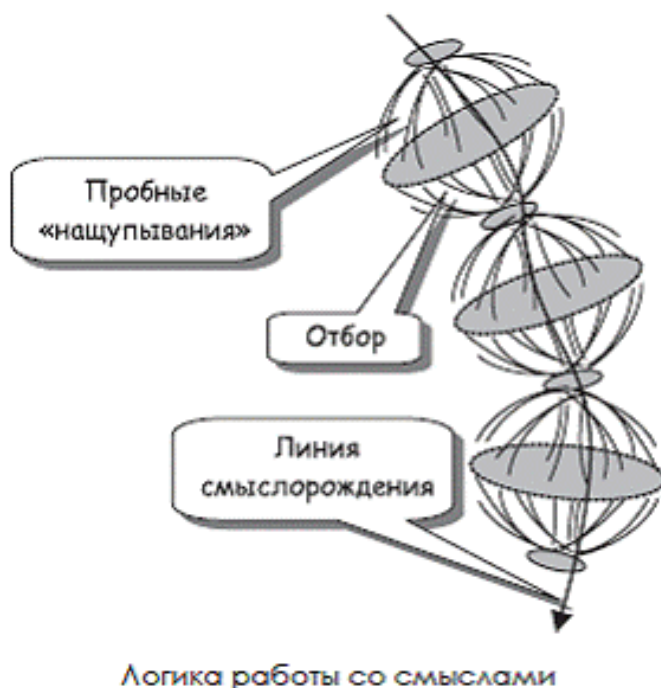
Теперь картину смыслоорождения можно представить как некий процесс, в ходе которого управляемые осознанным контекстом мыслительные операции превращают содержание интуиции из расплывчатого облака во все более отчетливые фигуры. Это процесс перевода встреченной размытой данности сначала в *имплицитные* (подразумеваемые, невыраженные) сущности, а затем во все более ясные *эксплицитные* (открыто выраженные) формы.

Все это подобно некоему процессу кристаллизации смысла предмета мышления до момента его обличения в форму строгих понятий.

Уместно сейчас спросить – где же здесь был смысл и где он закончился, превратившись в значение? Ответ такой: разумеется, он здесь всюду – и в облаке идей о мыслимом предмете, и в невыраженной, и в явной формах! Одновременно он есть и тот объем потенциальных значений явления, и то значение, которое проявилось в ходе мыслительных операций.

Нетрудно увидеть, что смыслопорождающая работа мышления есть по сути работа по извлечению смыслов из их потенциального поля. Точнее, это работа, в которой генерация предположений о смысле, пробные «нащупывания» интуиции непременно завершаются извлечением, выбором того смысла, который значим для конкретной познавательной ситуации.

И только такая логика в действительности придает полноту нашей интеллектуально-душевной работе⁴⁰.

Принцип «четырнадцатой операции»

Для усиления Ваших различий компонентов этой логики укажу на две традиции в искусстве толкования ситуаций, одна из которых развита в практике концептуального проектирования решений на редкость глубоко. Назову ее принципом «четырнадцатой операции».

Первая традиция истолкования отчетливо проявляется в искусстве художественного творчества. Речь идет об искусстве толкования художественных текстов.

Вот замечательный пример от Умберто Эко⁴¹.

«Читая рецензии (на роман «Имя розы». -А. Г.), я вздрагивал от радости, видя, что некоторые критики отметили фразу Вильгельма в конце сцены инквизиционного суда. "Что для вас страшнее всего в очищении?" – спрашивает Адсон. А Вильгельм отвечает: "Поспешность". Мне очень нравились, и сейчас нравятся, эти две строчки. Но один читатель указал мне, что на следующей странице Бернард Ги, пугая келаря пыткой, заявляет: "Правосудию Божию несвойственна поспешность, что бы ни говорили лжеапостолы. У правосудия Божия в распоряжении много столетий". Читатель справедливо спрашивал: как связаны, по моему замыслу, боязнь спешки у Вильгельма и подчеркнутая неспешность, прокламируемая Бернардом? И я обнаружил, что случилось нечто незапланированное. Переключки между словами Бернарда и Вильгельма в рукописи не было... Я совершенно забыл, что сразу вслед за <репликой> о спешке

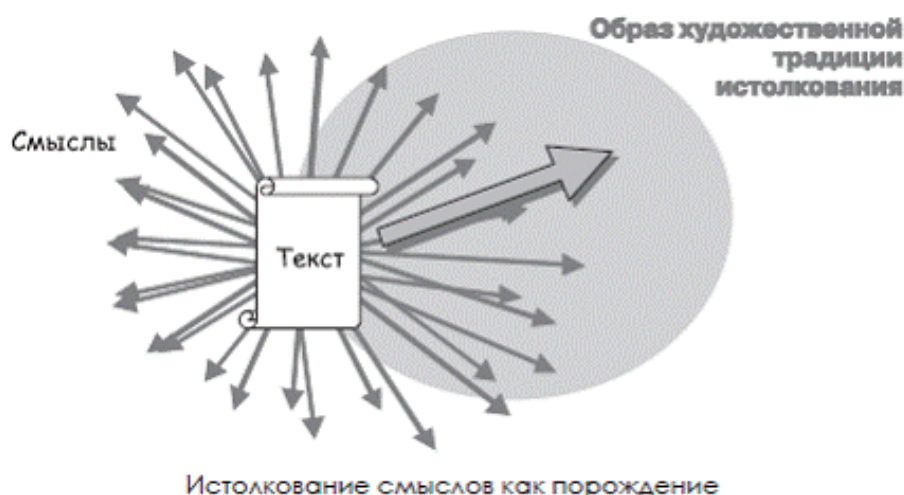
⁴⁰ Теслинов Л. Г. Две традиции истолкования смыслов / Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе: Материалы XXXIV Международной конференции IT+SE 2007 – Украина, Крым, Ялта – Гурзуф, 20–30 мая 2007 г. – Гурзуф, 2007. – С. 243–245.

⁴¹ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2002. – С. 9–10.

высказывается Бернард. Если взять реплику Бернарда безотносительно к словам Вильгельма, эта реплика – просто стереотип. Именно то, чего мы ждем от судьи. Однако в соотношении со словами Вильгельма слова Бернарда образуют совершенно другой смысл... Текст перед вами и порождает собственные смыслы».

Заметим в этом примере существенное – автор не вкладывал в текст того смысла, который нашел читатель. Как это возможно? Это возможно по причине того, что, во-первых, текст как сложный объект выступает здесь и везде генератором смыслов, а во-вторых, толкователь текста – это смыслопорождающая «машина». Говоря это, я опираюсь в том числе и на известную работу Ю. М. Лотмана «Текст как смыслопорождающее устройство»⁴². Признавая творческую функцию художественного текста, я все же наделяю свойством порождения новых смыслов самого читателя, истолковывающего текст. Именно в его сознании происходит расшифровка компонентов текста как особого рода данности. И чем изысканней текст (а вершиной изысканности является текст поэтический), чем богаче различительные способности его читателя, тем больше смыслов может родиться от их союза.

Это *смыслопорождающая традиция истолкования*. Высоким искусством здесь считается мастерство порождения смыслов изысканных, а лучше еще и таких, которых доселе не было. Это традиция размножающего, дифференциального, дивергентного истолкования. «Вектор» ее устремлен к неуправляемому расширению разнообразия смыслов. Объект ее наслаждения – полифония. Это художественная традиция истолкования.

Другая традиция истолкования связана с искусством извлечения и, главное, отбора смыслов из сложных явлений, хотя бы и из текстов. Приведу пример лишь одной, но яркой техники работы со смыслами. Это техника извлечения авторских смыслов, авторских концепций из текстов. Из любых... Образно назову эту технологию так: **«Четырнадцатая операция»**.

I ЭТАП. ИСКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕКСТА, СОДЕРЖАЩИХ ОПИСАНИЕ И ОЦЕНКУ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Операция 1. Исключить из текста описания сферы интересов автора. Выделить предмет исследования.

Операция 2. Исключить текст, содержащий обоснование важности предмета исследования.

⁴² Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

Операция 3. Исключить текст, содержащий описание целей, этапов, путей и способов изучения рассматриваемых явлений.

Операция 4. Исключить текст, описывающий оценку полученных результатов.

Операция 5. Исключить текст, содержащий призывы, рекомендации, описание возможных следствий из результатов исследований.

II ЭТАП. ИСКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕКСТА, СОДЕРЖАЩИХ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ИЗЛОЖЕНИЯ АВТОРСКИХ ИДЕЙ.

Операция 6. Исключить текст, содержащий формулировку плана изложения.

Операция 7. Исключить текст, содержащий аналогии с явлениями из других предметных областей.

Операция 8. Исключить текст, содержащий критику других авторов, исключить цитаты.

Операция 9. Исключить вспомогательные слова и предложения, являющиеся связками между частями текста.

III ЭТАП. УДАЛЕНИЕ ПОВТОРЕНИЙ И АВТОРСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ. ОТБОР УТВЕРЖДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ АВТОРСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ.

Операция 10. Удалить все повторения в тексте.

Операция 11. Исключить текст, содержащий авторскую аргументацию.

Операция 12. Исключить части текста, отклоняющиеся от основной темы.

IV ЭТАП. ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА ВЫДЕЛЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ.

Операция 13. Расположить части текста в продуктивном порядке.

Операция 14. Связать авторские утверждения необходимым минимумом вспомогательных редакторских средств. Мысли автора при этом не должны быть искажены.

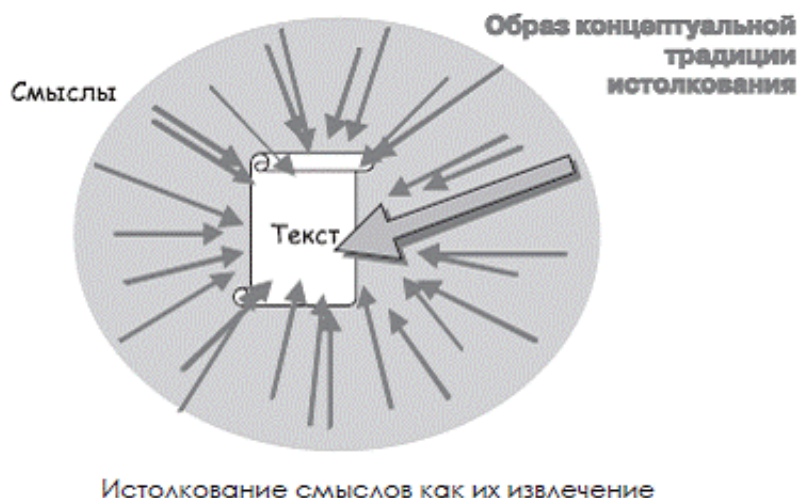
Жестко? Жестко, поскольку это уже не столько искусство, сколько технология – технология извлечения смысла из текстов, рекомендованная для использования в концептуальной мастерской⁴³. Заметно, что все ее операции имеют отношение к текстам, претендующим на выражение идей, замыслов, концепций. Ради их добычи, ради обнажения смысла и освоения авторских идей от традиционных «раскланиваний» перед просвещенным сообществом читателей, от вспомогательных метафор и аллюзий, от следов косности авторского языка или авторского самолюбования истолкователю необходимы твердые интеллектуальные мускулы.

Они нужны и для того, чтобы в поиске смысла, который автор упаковал в текст как мог, не увлечься, например, случайной игрой слов на соседних страницах, не последовать за фантазией, навеянной просмотренным накануне художественным фильмом. Но если только эта игра слов или даже мистические ассоциации помогут точнее реконструировать авторский замысел, точнее восстановить смысл, то истолкователь должен уметь применить их... лишь **на четырнадцатой операции**.

В чем существо этой линии истолкования? *Это истолкование смыслоизвлекающее.* Это традиция селектирующего, конвергентного истолкования. Ее «вектор» направлен от бесконечного горизонта смыслов и интертекстуальности к точным смыслам-значениям, к действительным смыслам, а не к их облаку-заместителю. Ее надежды – концептуальная рас-

⁴³ Михайлова Ю. Б., Никаноров С. П. Методика выделения концепций из авторских текстов / Подмножество. – М.: Концепт, 1996, № 4. – С. 19–30.

чистка смыслового пространства. Объект ее наслаждения – чистый «звук» в полифонии значений. Это и есть концептуальная традиция истолкования.

Вы догадываетесь, почему я не стал проводить сравнение традиций на примере одного и того же текста, скажем, текста художественного? Я не смог бы этого сделать в большинстве случаев потому, что после концептуальной расчистки многих (художественных) текстов от них бы не осталось ни-че-го. Или осталась бы совершенно простая, расхожая идея типа «добро в конце концов побеждает зло».

В пример этой мысли приведу арабскую притчу о том, как один шейх решил переехать жить с одного края огромной пустыни на другой. Построив новый дворец и перевезя в него своих жен и сокровища, шейх повелел перевезти наконец свою огромную библиотеку. Караван верблюдов с книгами отправился через пустыню в долгий путь. В дороге верблюды и люди валились от усталости. Тогда живые еще и грамотные погонщики останавливались и конспектировали содержание тех книг, которые уже не могли нести верблюды дальше. По мере движения каравана книг становилось все меньше и меньше, а конспектов – все больше. Наконец, понадобилось конспектировать сами конспекты, конспекты конспектов и так далее... К концу путешествия от каравана остался только один погонщик, который нес в руке листочек с последним конспектом конспектов всей громадной библиотеки. Войдя во дворец, он упал у ног шейха. «Прочти, что было в моих книгах!» – повелел шейх. Погонщик развернул на ладони листок и прочел: «Велик Аллах и Магомет – пророк его!»

И хорошо бы так, а то от многих политических текстов обычно остается ничтожно мало. Многие современные публикации в журналах и даже книги по менеджменту таким способом съедаются вовсе без остатков. Но это отдельная тема и практика, которую развивает В. М. Капустян под флагом «интеллектуального каннибализма».

Продолжим сравнение подходов к истолкованию смыслов.

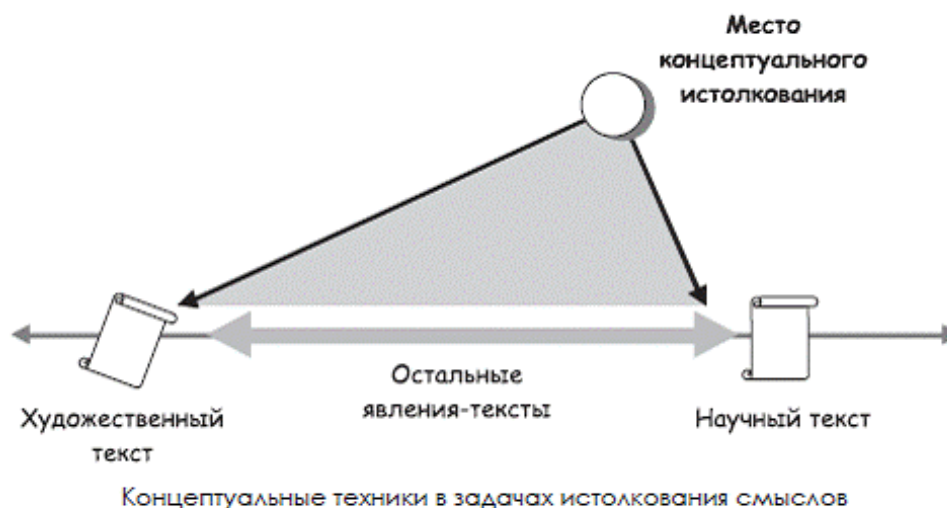
Дело в том, что у художественного текста и, скажем, текста научного совершенно разные назначения. «Роман по определению – машина-генератор интерпретаций». Его назначение – волновать душевно-интеллектуальную жизнь, побуждать читателя к собственным интерпретациям ее, зачастую лишь слабо указывая на направление сборки рождающихся

при этом смыслов или вообще не указывая на него, оставляя взволнованного читателя наедине с собственным миром.

Если мысленно ослаблять эти свойства художественного текста, то можно прийти к противоположному полюсу – к научным текстам. Их назначение – передавать читателю авторское открытие, откровение или понятый автором результат постижения мира. Здесь забота автора – быть предельно ясным в выражении и передаче своего смысла. Отчего и язык научного текста строг и с художественной точки зрения примитивен – он не должен приводить к разночтениям и к многообразию интерпретаций.

Но не здесь, не в работе с научными текстами находится предмет концептуальной традиции истолкования. Такие объекты интерпретации не должны предполагать специального истолкования, они должны быть понятны тем, к кому обращены.

Предмет концептуального истолкования возникает там, где есть задачи выделения точного смысла текстов или любых наблюдаемых явлений, имеющего значение для ясно сознаваемой ситуации, в которой находится исследователь. Тексты здесь ни при чем – они такие же явления, как и все другое. В нашем разговоре тексты взяты лишь для примера, хотя и в некотором согласии с известной формулой «все, с чем мы имеем дело, – это тексты для нас».

Если все же продолжать эту «текстовую» линию примеров, признавая, что между художественными и научными текстами расположены все другие явления жизни, то можно указать место концептуальной традиции истолкования так: оно уместно там, где во всем этом поле возникает необходимость понять нечто, обусловленное **задачей постижения**.

«Задача постижения» – пожалуй, в этом словосочетании заключен ключ к выбору подхода к толкованию данности. Концептуальный подход нужен только в том случае, когда возникает вопрос «как мы это будем понимать для того, чтобы...?». Ответ на этот вопрос и есть концептуальное решение.

ПОПРОБУЙТЕ... Проверьте себя. Можно ли истолковывать художественный, поэтический текст концептуальными методами? Возможно ли применить нечто, подобное «четырнадцатой операции», например, к этим буинским строкам:

...Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
Но был еще блаженно пуст

Тот дивный мир, где шли мы рядом?

Можно и нужно, если нам захочется, например, освоить «устройство» ритма или, скажем, понять особенность творческого этапа художника в пору написания этих строк (а это август 1917 года), сравнивая их с произведениями другой поры по некоторому значимому основанию. Но если Вам хочется получить наслаждение от звона тишины того «пустого» мира, который существует между «еще не влюблен, но уже взволнован» и состоянием «любовного пожара», то стоит выключить все, все любые техники поиска смысла. Его здесь нет.

ПОПРОБУЙТЕ... Еще одно мысленное упражнение. Оцените, насколько уместна художественная традиция истолкования текстов для раскрытия смысла очередного «Бюджетного послания Президента Российской Федерации к Федеральному собранию»?

Надо заметить, что обыденное мышление «добывает» смыслы не инструментально. Да и во многих примерах концептуального мышления работа эта не вполне обеспечена инструментами. Однако приемы все же есть.

Техники истолкования сложной реальности

Второй шаг – истолкование данности как уяснение смысла того, с чем встретилось и чем оживилось сознание.

Если нам удалось договориться о пользе истолкования сложных, размытых предметных областей как о работе по извлечению стоящих за ними смыслов, то теперь уместно спросить – а как это делать? В практике концептуального проектирования решений это наиболее туманная область деятельности.

Так сложилось – многие концептуальные методы в основном обеспечивают путь *восхождения от абстрактного к конкретному*. А мы сейчас продвигаемся совершенно в другом направлении – от опытного конкретного, в котором перед нами встают сложные события реальности, к абстрактному, к тому, какой смысл имеют для нас эти события. Это «тонкая» область усилий сознания, которая и в настоящее время для многих остается загадкой.

Здесь Вы имеете дело с попыткой собрать техники истолкования сложной реальности из разных отраслей гуманитарного знания и практики концептуальной работы. Думаю, некоторые из них могут претендовать на методы. Но все же многие похожи на рецепты. Судите сами...

Практические рецепты от герменевтики

Попытаюсь свести ключевые откровения *герменевтики* об истолковании сложных ситуаций к ее практическим следствиям⁴⁴. Сделаю это в стиле «Карнеги»: чтобы добиться успеха...

Часто и по-разному спрашивай явление, обильно задавай ему вопросы.

- Мысленно разоблачай «очевидное» в постигаемом. Открывая в нем новые грани, например, через возможные условия его применения или существования.

Во всем усматривай знак, указывающий на смысл. Смысл скрыт за знаками – их надо «читать».

- Доверяй образам, которые возникают у тебя. Проговаривай их.

- Во всяком мысленном путешествии, в рассуждениях о явлении всегда «возвращайся» к очевидности, часто интерпретируя его обнаруживаемые свойства.

- Исследуй связи между теми признаками явления, которые зацепило твое сознание. Помогай интуиции логическим прояснением деталей.

- На всякое новое обязательно смотри с нескольких точек зрения, продумывая для этого особенную сеть (систему) взглядов. Такая сеть зависит от контекста, в котором выстраивается понимание.

- Смысл приобретается через динамику поля взглядов. Двигайся от одного взгляда на «вещь» к другому и сознавай эти движения.

- Смыслоизвлечению помогают групповые эффекты – дискурс. Затевай их с ожиданием новых взглядов. В одиночестве заставляй себя по-разному смотреть на «вещи». Играй в разнообразие взглядов.

- Назначай для себя уровни понимания предмета. Уровень – это твоя объемная исходная позиция усмотрения «вещей».

⁴⁴ Однажды я уже делал это, но в отношении приемов для вождения взрослых студентов к освоению новых для них концепций и инструментов. То есть делал это весьма упрощенно. См.: Теслинов А. Г. Образование взрослых студентов: эффективные методы усвоения новых идей / Бизнес-образование, 1999, № 2 (7). – С. 76–90.

- Разоблачай те условия, которые влияют на твое понимание явления, ведь мы никогда не видим то, что есть, а лишь то, на что смотрим. Договаривайся с собой об этих условиях. Всегда между нами и наблюдаемым существует некоторое условие, благодаря которому явление приобретает особенный «цвет».

Только один пример: «Вот кто настоящая волшебница – это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным» (Л. Н. Толстой).

- Подвергай тщательному анализу свои намерения или, как говорят в психологии, модусы своего сознания, то есть «углы зрения», под которыми ты рассматриваешь явление. Сознание уровня понимания помогает этой работе.

- Особенно тщательно выявляй свои неявные, скрытые исследовательские намерения. Чаще всего именно они управляют мышлением.

- Непрерывно обращай к контексту. Оттуда исходят импульсы, управляющие нашими способами «прочтения» явлений. Перепроверяй понятое через его отношение к контексту.

- Выбрав точку зрения, исчерпывай ее. То есть усматривай в явлении все то, что открывается с этой точки зрения, не примешивая чуждого ей.

- Отсекай в любом явлении то, что не имеет значения для контекста и осознанной установки сознания. Смысл не нуждается в удержании второстепенного.

- Мир, который мы пытаемся понять, выстраивается в нашем сознании как концентрическое пространство, в центре которого – наше «Я». Дальше – ближайший мир, ближний мир, дальний мир и так далее. Понимание «вещей» начинается от центра. Поэтому связывай всякое новое явление с чем-то личным, известным, прежде чем оно объективно не удалится на «расстояние» чуждого, неведанного. Через непрекращающееся сопоставление его с близким и известным явление «обрастет» рядом признаков, из которых выстроится смысл.

- Ищи согласия отдельного и целого. Такое согласие – критерий правильности понимания.

- В каждом новом явлении ищи его суть как общее в разнообразном, выделяя противоположные компоненты и связывая их в единое целое. Значимый признак явления мы всегда находим как единство текущих многообразий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.